

Андерс Лустгартен
ТАЙНЫЙ ТЕАТР

Anders Lustgarten
THE SECRET THEATRE

© 2017

Перевод с английского

Павла Шишина

pavel.shishin@gmail.com

www.pavelshishin.ru

Шпионаж – это тайный театр нашего общества.

Джон Ле Карре

Действующие лица

Роберт Пули

Майлз

Сэр Фрэнсис Уолсингем

Томас Фелиппес

Сэр Уильям Сесил

Фрэнсис Уолсингем

Сэр Филип Сидни

Королева Елизавета I

Томас Палмер

Джон Баллард

Энтони Бабингтон

Дейви

Том

Адам

Стражники

Мария, королева Шотландии

Вербовщик

Первый солдат

Второй солдат

Ричард Топклиф

Роберт Саутвелл

Доктор

Сэр Чарльз Говард

СЦЕНА ПЕРВАЯ

Шёпоты, доносящиеся с разных сторон, наполняют комнату:

- Он высадится в Арундеде с ночным приливом...
- Есть один священник, некий Майлз, он обитает в трактире «Белого оленя»...
- Там его можно арестовать заодно с другим, неуловимым, подобно ртути...
- Награда, которую вы посулили, придёт как нельзя кстати. Не упоминайте моего имени.
- Ваша честь, вы должны поторопиться с арестом этого Майлза. Мне не доводилось встречать более мерзкого еретика...
- Всякий, кто назовёт Майлза предателем, сам предатель! Он только лишь скрывается под маской католика, чтобы служить её величеству...
- Награда, которую вы посулили...
- Придётся как нельзя кстати...
- И я должен просить вашу честь...
- *(Вместе.)* Не упоминайте моего имени!

За столом два шпиона. Пауза.

ПУЛИ. У нас предатель.

МАЙЛЗ. Не может быть.

ПУЛИ. Четверо из наших братьев убиты. Как ещё это можно объяснить?

МАЙЛЗ. Но кто мог...? И зачем...?

ПУЛИ. Я не знаю, Майлз. А ты?

Пауза. МАЙЛЗ отводит взгляд и пожимает плечами.

МАЙЛЗ. Когда у Сэмюэла вырвали сердце, оно ещё билось.

ПУЛИ. Ты это знаешь как?

МАЙЛЗ. Известно.

ПУЛИ. Известно кому?

МАЙЛЗ. Я там был. Когда арестовали Сэмюэла. Только милостью Божией и всех святых я унёс оттуда ноги. А когда закрываю глаза, то слышу его крик.

ПУЛИ. Милостью Божией? Или двурушничеством?

МАЙЛЗ. Пули, клянусь жизнью, я не предатель!

ПУЛИ. Значит, тебе известно о его существовании.

МАЙЛЗ. Я не говорил...

ПУЛИ. Вытащи нож.

МАЙЛЗ. Ты же велел прийти без оружия.

ПУЛИ. Вытаскивай!

Пауза. МАЙЛЗ вынимает длинный острый нож и протягивает ПУЛИ.

ПУЛИ. Вот так-то. Чуть повыше. Вот так и держи. А теперь... коли меня прямо в сердце.

МАЙЛЗ. Что?

ПУЛИ. Это я — предатель.

МАЙЛЗ. Неправда.

ПУЛИ. Правда.

МАЙЛЗ. Сэмюэл тебя любил.

ПУЛИ. А я его предал. Предал их всех. Он назвал имена, и я привёл их к нему, одного за другим.

МАЙЛЗ. Он?

ПУЛИ. Кто же ещё? Уолсингем.

МАЙЛЗ. Уолсингем!

ПУЛИ. Последнее имя, которое он назвал, было твоё, Майлз.

МАЙЛЗ. Моё?!

ПУЛИ. Он сказал, ты — главарь католиков. Настоящая добыча. И тот, кого я люблю больше всех. Я не смогу видеть твоих страданий. Прямо в сердце. Прошу тебя!

МАЙЛЗ откладывает нож. Пауза.

МАЙЛЗ. Но ведь он знает...

ПУЛИ. Кто знает?

МАЙЛЗ. Робин! Робин, милый! Какое блаженство, просто гора с плеч!

ПУЛИ. Что ты такое говоришь?

МАЙЛЗ. Мы же с тобой заодно! Оба на стороне господина советника и добрейшей королевы Елизаветы! Господи, какое блаженство! Сорвать наконец с лица эту маску... Мне было так одиноко, так страшно, а всё это время нас было двое! Но зачем мы оба понадобились Уолсингему в одном заговоре? Надо спросить у него...

ПУЛИ. Нет, Майлз. Мы не станем ничего спрашивать.

МАЙЛЗ. Но почему?

ПУЛИ (*берёт нож*). Потому что предатель — не я.

МАЙЛЗ. Нет, но...

ПУЛИ. Это ты. А предателей ждёт лишь одна судьба.

МАЙЛЗ. Мы же с тобой заодно!..

ПУЛИ вонзает нож МАЙЛЗУ в сердце.

ПУЛИ. Ты ведь, кажется, клялся жизнью, Майлз? Добро пожаловать в ад!

ПУЛИ вытаскивает нож. Мёртвое тело валится на стол. ПУЛИ уходит.

СЦЕНА ВТОРАЯ

Свет над огромной кипой бумаг. СЭР ФРЭНСИС УОЛСИНГЕМ, одетый в строгий чёрный костюм, сидит за письменным столом, читает и помечает документы. Его помощник ТОМАС ФЕЛИППЕС, маленький, непримечательный человек, приносит и уносит папки с бумагами. Эти папки со смешанным чувством восхищения и досады скрупулёзно изучает облачённый в гораздо более роскошный наряд СЭР УИЛЬЯМ СЕСИЛ, лорд Бёрли, главный советник КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I, начальник УОЛСИНГЕМА.

СЕСИЛ. Иезуиты. Сторонники иезуитов. Вероятные сторонники иезуитов. Хулители королевы. Посещение церкви по именам, приходам и графствам. Порты. Промышленность: шерстяная, медная, рыбная. Благородные семейства: герцоги, маркизы, графы, виконты, бароны. Регионы: Шотландия, Ирландия, Нижние Земли, Франция, Испания, Ватикан. Английские города, от Аксминстера до... Фарнборо. (УОЛСИНГЕМУ, поддразнивая.) И ничего из Честера, Фрэнсис? Из Эксмута?

УОЛСИНГЕМ (не поднимая головы). С другой стороны. Мало места.

СЕСИЛ. А! (Хочет проверить, но останавливается. Пауза.) Как вы всё это помните?

УОЛСИНГЕМ. У меня своя система запоминания.

СЕСИЛ. Что за система?

УОЛСИНГЕМ. Один человек в Италии научил меня. Человек, который уже умер.

Пауза.

СЕСИЛ. Знаете, он же был моим шпионом. Майлз.

УОЛСИНГЕМ. Я знаю.

СЕСИЛ. Я пестовал его с молодых ногтей. У меня никогда не было причины сомневаться в его верности.

УОЛСИНГЕМ. Обычная история для двойного агента.

СЕСИЛ. А этот ваш Пули заслуживает большего доверия? Он ведь и зарю убедит не наступать, если решит, что темнота заплатит ему больше.

УОЛСИНГЕМ. Из всех наших агентов Пули наиболее сведущ в порядках у католиков.

СЕСИЛ. Потому что убил того, кто был самым сведущим перед ним.

УОЛСИНГЕМ. Вот так мы и передвигаем наши фигуры, Уильям. Чтобы превратить пешку в ферзя, другими пешками следует при случае пожертвовать.

СЕСИЛ. Опрометчивый ход — не самая разумная уловка, Фрэнсис. Уж поверьте старому игроку.

УОЛСИНГЕМ. Майлз увяз в сомнениях. Перешёл на сторону врага.

СЕСИЛ. Я не заметил никаких...

УОЛСИНГЕМ. Это со всеми случается, в конце концов. Они ломаются под тяжестью маски и становятся теми, кем так долго притворялись. Или сходят с ума. В любом случае последняя служба, которую они обязаны для нас сослужить, — это их собственная смерть. И смерть Майлза наделяет Пули таким доверием у католиков, что ценою превыше жемчугов. Томас! Письмо посла Мендосы королю Филиппу Испанскому!

ФЕЛИППЕС. Да, милорд.

Приносит УОЛСИНГЕМУ письмо. СЕСИЛ тщательно изучает папки.

СЕСИЛ. Берберия? Но у меня нет человека в Берберии!

УОЛСИНГЕМ. У меня двое. Мир с каждым днём становится всё более беспокойным и замысловатым местом, Уильям. Быть в курсе — окупается сторицей. *(Пробегает глазами письмо.)* Посол испанский жалуется на английскую погоду.

СЕСИЛ. Небезосновательно.

УОЛСИНГЕМ. Он отмечает, что у банкиров слишком много денег, тогда как у остальных нет ни гроша.

СЕСИЛ. Если мы обложим их налогами, они уедут.

УОЛСИНГЕМ. Тогда зачем их держать? И он говорит, что по-прежнему не может снести с Марией, королевой Шотландской. «Есть, однако, новый человек, Пули, который утверждает, будто способен вызволить Марию из заточения».

СЕСИЛ. Эту сказку мы уже слышали.

УОЛСИНГЕМ. Но я придам ей другую концовку. Я уличу Марию, королеву Шотландскую, в сговоре с Испанией, и тогда королева Елизавета избавится от неё.

СЕСИЛ. Неужели?

УОЛСИНГЕМ. Да, Уильям, избавится. И более того: я схвачу также Роберта Саутвелла, главаря этих иезуитских демонов, заставлю испытать адские муки, а потом повешу под гром фанфар. Я до последнего ростка искореню в Англии эту заразу бесчеловечного радикализма, раз и навсегда.

*Кивком головы СЕСИЛ воздаёт должное хвастливым намерениям УОЛСИНГЕМА.
Пауза.*

СЕСИЛ. Королева не одобряет убийства королев. По очевидным причинам.

УОЛСИНГЕМ. Только одна королева должна умереть. Мошенница католичка. И я это устрою.

СЕСИЛ (*указывая на папки*). Фрэнсис, всё это... Отслеживать переписку королей и принцев — недостойно, но неизбежно. Переписку радикалов, ниспровергателей — простой здравый смысл.

УОЛСИНГЕМ. М-м-м. Писатели...

СЕСИЛ. Но присматривать за каждым пивоваром, или стряпчим, или прачкой? Разворачивать надзор с таким безудержным размахом?

УОЛСИНГЕМ. Уильям, всем, что я знаю о тёмной стороне политики, я обязан вам. Я всегда буду питать к вам уважение и восхищение. Но мир меняется. Подойдите к окну.

УОЛСИНГЕМ встает и выходит из-за стола. Вдвоём с СЕСИЛОМ они выглядывают в окно. Пауза.

Лондон. Потоки денег со всего мира вливаются в него, а вместе с ними и потоки приезжих. С которыми в избытке прибывают новые убеждения, ереси, соблазны. Старинные основы миропорядка рассыпаются в прах и складываются новые мировоззрения. В такой суматохе, да ещё памятуя об угрозе, исходящей от Испании, люди утрачивают естественную покорность власти и начинают задумываться о равенстве. А эта дорога может вести лишь в одном направлении — к революции.

СЕСИЛ. Устроить пару казней, королевскую свадьбу, натравить бедноту против недавних иммигрантов...

УОЛСИНГЕМ. Обычных методов уже недостаточно. Сегодня мы должны править не только с помощью страха или зрелищ, но и с помощью осведомлённости. Что это за человек, что он уже сделал и что ещё он способен сделать.

СЕСИЛ. Способен сделать!

УОЛСИНГЕМ. Разве не в этом сущность нашей работы? Предвосхищать, дабы предотвратить.

СЕСИЛ. Поступки королей, но не всякой же судомойки или трубочиста! Откуда нам знать, кто из этих бессчётных хвастунов и пустословов опасен?

УОЛСИНГЕМ. Главный вопрос всё-таки в том, кто из них не опасен.

СЕСИЛ. Ваша работа стала притчей во языцех во всех городских тавернах.

УОЛСИНГЕМ. Надеюсь на то.

СЕСИЛ. Это тайная служба, Уолсингем, а не пьеска для черни из партера.

УОЛСИНГЕМ. При всём моём почтении, милорд, даже тайному театру необходимы зрители. Если наши тайны останутся слишком тайными, никто о них не узнает. (*Пауза.*) Убеждённость в том, что один из наших людей сидит в углу, сумеет

расстроить любой заговор лучше всякого агента. Держать человека под наблюдением — этого недостаточно; каждый из них должен верить, что за ним следят, даже если это не так. Осведомлённость — и видимость осведомлённости.

Пауза.

СЕСИЛ. Они будут жаловаться. Эти простолюдины. Они не привыкли к столь строгому надзору.

УОЛСИНГЕМ. Значит, им не следует так много говорить или писать так много писем. Вы удивляете меня, лорд Бёрли. Да простится мне подобная наглость. Вы всегда были человеком, ратующим за более всеобъемлющие методы.

СЕСИЛ. Фрэнсис, это ведь никакой не секрет: вы в глазах королевы растёте, я — убываю.

УОЛСИНГЕМ. Перестаньте, временное затмение...

СЕСИЛ. Естественно, какая-то часть меня раздражена вашим возвышением. Но есть и другая, лучшая часть, чьё сердце переполняется гордостью за своего протеже и его продвижение по службе.

УОЛСИНГЕМ. Благодарю вас, Уильям, вы...

СЕСИЛ. Эта часть хочет предупредить: королева не любит тратить деньги.

УОЛСИНГЕМ. Мне ли не знать! Но поверьте, когда она увидит, чего мы достигли...

СЕСИЛ. Она не выносит любого, кто вынуждает её тратить. И неважно, какие плоды это принесёт.

УОЛСИНГЕМ. Даже если одним из плодов станет голова Марии?

СЕСИЛ. А уж это в особенности. Как бы она сама того ни желала. Это, понимаете ли, королевская кровь. И по её разумению, никакой простолюдин не имеет права пролить её, иначе где окажется этот мир? Вам, Фрэнсис, вероятно, тяжело разбираться в вопросах крови, будучи внуком башмачника.

УОЛСИНГЕМ. Правнуком. Очень успешного торговца кожевенными изделиями.

ФЕЛИППЕС (*УОЛСИНГЕМУ*). Уже пять часов, сэр. У вас аудиенция с королевой.

СЕСИЛ. С коро...? Понимаю. Вы не будете возражать, если я присоединюсь?

УОЛСИНГЕМ (*он против*). Как вам будет угодно, милорд.

Уходят. ФЕЛИППЕС смотрит им вслед.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ

Двор КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ I. По залу, разглядывая друг друга, прохаживаются придворные, разодетые в отороченные мехом шёлк и бархат канареечно-жёлтых и кроваво-красных расцветок. Входят УОЛСИНГЕМ и СЕСИЛ. Все глаза и приглушённые разговоры обращаются на них.

С противоположной стороны выбегает расстроенная ФРЭНСИС, дочь УОЛСИНГЕМА, за ней торопится её новоиспечённый муж, СЭР ФИЛИП СИДНИ, также состоящий при дворе. ФРЭНСИС пробегает мимо отца, но УОЛСИНГЕМ успевает её схватить.

УОЛСИНГЕМ. Фрэнсис!

СИДНИ. Ах, вам удалось пленить мою сбежавшую кобылку!

УОЛСИНГЕМ. Что произошло?

ФРЭНСИС. Простите, отец. Это... Филип и я были представлены её величеству. В качестве подарка к нашей свадьбе. Я так этого ждала! Я своими руками сшила себе платье. А её величество сказала, что наши предки мастачили башмаки ради пропитания...

СЕСИЛ. М-м-м.

ФРЭНСИС. И что я вовсе не партия для придворного, и будет на то её воля, я сама пойду мастачить на улице. Или горбатиться как-то по-другому.

УОЛСИНГЕМ. Это всего лишь игра, которую любят придворные дамы, — показывать когти.

СИДНИ. Вы обучитесь ей, когда проведёте здесь больше времени.

ФРЭНСИС. Я не желаю этому обучаться! И проводить здесь время!

УОЛСИНГЕМ. У королевы были планы на Сидни, вот и всё.

СИДНИ. Дипломатический брак с французской принцессой.

УОЛСИНГЕМ. Она видела некую необходимость в этом союзе; наши отношения с Европой уже не те, что были.

СИДНИ. Я много раз говорил ей, что охотнее женюсь на вас.

ФРЭНСИС. Зачем же вы выдали меня за него, если знали, что это её рассердит?

УОЛСИНГЕМ. Королева сменит гнев на милость.

СИДНИ. Когда вы проведёте здесь больше времени.

УОЛСИНГЕМ. Езжай домой, Фрэнсис.

СИДНИ (*тихо*). И Фрэнсис... Когда вы встретитесь с нею вновь, не поворачивайтесь к ней спиной. Будьте настороже всегда. Как с бешеной собакой.

ФРЭНСИС. Да, отец. Да, милорд. (*Уходит.*)

СЕСИЛ (*обращаясь к СИДНИ*). С бешеной собакой, а?

СИДНИ. Я полагаю, лорд Бёрли, вы называете её и похуже. На самом деле, я слышал, как вы её называете. (*Пауза.*) Я обязан ухаживать за ранами жены.

УОЛСИНГЕМ. Приезжайте на неделе к обеду, Филип.

СИДНИ. Конечно, мы будем...

УОЛСИНГЕМ. Один. Некоторым вопросам не обойтись без дружеских ушей.

СИДНИ. Ничто не доставит мне большего удовольствия, Фрэнсис. (*Кивая СЕСИЛУ, но уже не столь тепло.*) Лорд Бёрли.

СИДНИ уходит. СЕСИЛ делает жест, будто переставляет шахматную фигуру.

СЕСИЛ. И вновь вы перемещаете фигуры слишком резко.

УОЛСИНГЕМ. При дворе ходят слухи, вы пытались устроить помолвку Сидни с вашей Анной.

СЕСИЛ. Я думал об этом. Он оказался слишком беден.

УОЛСИНГЕМ. А я бы решил, что это хорошая причина не отступить. Точка приложения усилий. К тому же он мне нравится. Я ему верю. Знаете ли, он ведь там был. В Париже.

Звуки труб.

Как полагается? На колени?

СЕСИЛ. Ниц — по такому случаю. Холодный поцелуй мрамора в лоб.

Оба сперва опускаются на колени. СЕСИЛ медлит.

СЕСИЛ. Вчера её величество продержала меня распротёртым так долго, что кому-то из лакеев пришлось поднимать меня на ноги. У меня же спина.

Сгибаются, касаясь лбами пола. Из тени появляется КОРОЛЕВА ЕЛИЗАВЕТА I, облачённая в сверкающие регалии. Глубоко увязнув в сопровождающей её имя мифологии, она будто сошла с портрета, украшающего стены дворца Хэтфилд-хаус, её детской резиденции. Под маской величия скрывается женщина умная, злобная, измученная. Она смотрит на застывших в поклоне мужчин. Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Встаньте!

Встают. СЕСИЛ хватается за спину.

ЕЛИЗАВЕТА. Ещё одно гадостное лето. У меня уже кости болят от дождя. Что вы здесь делаете, Уильям? Я вас не звала.

СЕСИЛ. Нет, но я подумал...

ЕЛИЗАВЕТА. В вас нет необходимости. Вы можете идти.

СЕСИЛ. Ваше величество...

ЕЛИЗАВЕТА. Займитесь своей спиной.

Пауза. СЕСИЛ удаляется. ЕЛИЗАВЕТА сверлит взглядом УОЛСИНГЕМА. Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Что, Уолсингем? Меня по-прежнему должны убить отравленной туфлей?

УОЛСИНГЕМ. Угроза миновала, ваше величество. По моим сведениям.

ЕЛИЗАВЕТА. Выходит, я совершенно без пользы вышвырнула весь свой гардероб.

УОЛСИНГЕМ. Моя жена часто устраивает полное обновление туалетов. Я полагаю, ваше величество поступает так же.

ЕЛИЗАВЕТА. А что все эти ужасы про отравленное стремя?

УОЛСИНГЕМ. Только лишь потому, что заговор не удался, никак не отрицает наших трудов по его предотвращению. Напротив, именно вследствие наших мер предосторожности заговоры так часто не приносят плодов.

ЕЛИЗАВЕТА. В таком случае заговоры можно отыскать где угодно, не так ли? А их отсутствие принять за свидетельство вашей искусности? Тогда прошу вас, ответьте, господин советник, как нам, простым смертным, не обладающим достоинствами вашего ума, суметь отличить правду от вымысла?

УОЛСИНГЕМ. Доверием.

ЕЛИЗАВЕТА. Если бы я правила королевством на доверии, я бы не дожила и до Страстного четверга.

УОЛСИНГЕМ. К тому, что всеми своими поступками я служу — и служил всегда — делу безопасности государства.

ЕЛИЗАВЕТА. И как с этим вяжется затея сосватать Сидни вашу придурковатую дочурку? А впрочем, ежели подумать, ничего другого и не приходится ожидать от человека, чей дед покупает себе дворянство.

УОЛСИНГЕМ. Прадед...

ЕЛИЗАВЕТА. Из Темзы недавно выловили чудовищно гигантскую рыбу, никогда не виданную доселе. Что, по-вашему, это означает?

УОЛСИНГЕМ. Что означает? Сдаётся мне, счастливого рыбака.

ЕЛИЗАВЕТА. Вы, стало быть, не верите в знамения? В приметы?

УОЛСИНГЕМ. Как-то раз, когда я был маленьким, моя мать принялась клясться, что слышит духов. Что они поднимаются по лестнице в облике пчёл. Я пошёл посмотреть.

ЕЛИЗАВЕТА. И что это было?

УОЛСИНГЕМ. Пчёлы, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА. Вы что, считаете, будто у вас имеется какая-то монополия на истину? Что существует только один порядок мироустройства, и вы разбираетесь в нём лучше остальных?

УОЛСИНГЕМ. Нет, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА. И тем не менее всё время пытаетесь самоутвердиться. За мой счёт.

УОЛСИНГЕМ. Я пытаюсь защитить ваше государство.

ЕЛИЗАВЕТА. Неужели? А может быть, построить своё собственное? Лорд Бёрли уже рассказывал мне о вашей распухающей на глазах бумажной империи.

УОЛСИНГЕМ. Как предусмотрительно с его стороны!

ЕЛИЗАВЕТА. И кто за это будет платить?

УОЛСИНГЕМ. Я принял это бремя на себя.

ЕЛИЗАВЕТА. Даже так!

УОЛСИНГЕМ. Ваше величество, всем известно, что король Испании Филипп готовит силы для вторжения на наши берега.

ЕЛИЗАВЕТА. Я не вижу к тому никаких предвестий.

УОЛСИНГЕМ. Это секретные силы.

ЕЛИЗАВЕТА. Как же тогда о них может быть всем известно?

УОЛСИНГЕМ. Король Филипп располагает деньгами и людьми, тягаться с ним мы не смеем даже надеяться. Он заручился благословением Папы римского и горячей поддержкой от всех католиков. Мария Шотландская не поспеет ничем, дабы ускорить его вторжение, а самой — узурпировать вашу корону. Нам открыт лишь один путь вести сражение с таким противником — узнавать о его действиях прежде его самого.

Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Посмотрите, как вы одеты. Никто, кроме вас, не является ко двору так, будто пребывает в трауре по всей своей жизни.

УОЛСИНГЕМ. После дня святого Варфоломея...

ЕЛИЗАВЕТА. Опять за своё!

УОЛСИНГЕМ. Это было на службе вашему величеству.

ЕЛИЗАВЕТА. Ваши рассказы стары как мир, Уолсингем. Я уже переслушала их все.

УОЛСИНГЕМ. Это неоспоримое доказательство католического злонравия. Моё единственное стремление — уберечь вас от точно такого же исхода, единственного исхода, уготованного ими каждому из нас...

ЕЛИЗАВЕТА. Знаю я вас, шпионов. Единственная безопасность, о которой вы печётесь, — это ваша собственная. Уже десять лет я слышу про это «вторжение» — оно всё никак не произойдёт. Денег не будет! Только и дела — разнюхивать да подслушивать.

УОЛСИНГЕМ. Ваше величество...

ЕЛИЗАВЕТА. Никаких денег больше не будет! (*Пауза.*) Пчёлы! Да! Осы! Видели их гнёзда? Напоминают мне пергаменты в ваших папках: пережёванные, припрятанные и проклеенные липучей слюной. Всякий раз, когда я вас вижу, этот образ торчит у меня перед глазами. Прощайте, Уолсингем!

Она поворачивается и под трубный рёв удаляется прочь, ступая твёрдо и величаво. Затемнение.

СЦЕНА ЧЕТВЁРТАЯ

УОЛСИНГЕМ на многолюдной лондонской улице. С ним ФЕЛИППЕС.

УОЛСИНГЕМ. Деньги! Вечно деньги! Как будто о безопасности можно торговаться.

ФЕЛИППЕС. Да, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Что, можно?

ФЕЛИППЕС. Нет, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Безопасность любой ценой! *(Заходится кашлем.)*

ФЕЛИППЕС. Ваше здоровье, сэр. Не перетруждайте себя, вы же знаете, вы не в том состоянии, чтобы...

Какой-то прохожий натывается на УОЛСИНГЕМА.

Эй!

ФЕЛИППЕС решительно направляется к прохожему, который остановился у таверны.

УОЛСИНГЕМ. Постой! Развлеки меня, Томас. Что у него на уме?

ФЕЛИППЕС *(измеряя прохожего взглядом)*. Он сюда явился произвести впечатление.

УОЛСИНГЕМ. Как ты определяешь?

ФЕЛИППЕС. На нём камзол, взятый взаймы и вычищенный дочиста, ни пятнышка.

УОЛСИНГЕМ. Почему взаймы?

ФЕЛИППЕС. Он на размер больше и застёгивается на левую руку, тогда как наш объект пользуется правой.

УОЛСИНГЕМ. Превосходно! И какое же впечатление он желает произвести?

ФЕЛИППЕС. На девушку?

УОЛСИНГЕМ. Нет. Обрати внимание: если рука свободно висит вдоль тела, он не может унять в ней дрожь. Это человек, который не прочь выпить и явился сюда выпрашивать назад своё место. *(Подходит к прохожему.)* Томас Палмер.

ПАЛМЕР. Кто спрашивает?

УОЛСИНГЕМ. Никто не спрашивает. Я утверждаю. Вы — Томас Палмер.

ПАЛМЕР. Вам-то откуда знать?

УОЛСИНГЕМ. В прошлом — здешний половой, в «Золотой лани». Вы потеряли работу из-за чрезмерного пристрастия к тому, чем были призваны торговать.

ПАЛМЕР. Кто вы?

УОЛСИНГЕМ. Знакомы ли вам завсегдаи этого места, господин Палмер?

ПАЛМЕР. Никого не припоминаю.

УОЛСИНГЕМ (*бросает ПАЛМЕРУ золотую монету*). Теперь припоминаете?

ПАЛМЕР. Возможно.

УОЛСИНГЕМ бросает ему другую монету.

ПАЛМЕР. Припоминаю. Очень хорошо. Сэр.

УОЛСИНГЕМ. Прекрасно. (*Указывая на ФЕЛИППЕСА.*) Дважды в неделю будете докладывать этому человеку, кто сюда приходит. Каждый раз будете получать ещё по одной. Пять, если наведёте меня на Роберта Саутвелла или любого другого иезуита.

ПАЛМЕР. Я уже видел Саутвелла здесь раньше, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Ещё одного раза вполне достаточно. Будем поддерживать связь.

ПАЛМЕР кивает, кланяется, уходит.

ФЕЛИППЕС. Вы знали.

УОЛСИНГЕМ. Знал.

ФЕЛИППЕС. Так нечестно. И что нам проку от пьяницы, сэр?

УОЛСИНГЕМ. От пьяницы, которого снедает зависть, да ещё с желанием себя проявить? Много проку. Человеческие слабости приносят гораздо больше пользы, чем достоинства, Томас. Не забывай об этом.

ФЕЛИППЕС. Ни в коем случае, господин советник.

УОЛСИНГЕМ. Это заведение известно как гнездо католиков-миссионеров, только мне никак не удавалось найти способ проследить за их передвижением. А теперь у нас есть человек, который сможет торчать поблизости целыми днями и остаться незамеченным.

ФЕЛИППЕС. Но к чему нам Саутвелл, сэр? Не может быть, чтоб ему доверяли хоть сколько-нибудь полезные сведения, слишком уж горяч.

УОЛСИНГЕМ. Это их пропагандист, Томас, главный распространитель мерзостей и зловония в нашем государстве. Их крашенный кумир, сияющий от непомерного самодовольства. В морской битве, чтобы внушить врагу наибольший страх, надо отправить на дно их флагманский корабль. Это придаёт всему предприятию тлетворный запах смерти. Когда я вздёрну Саутвелла на виселице, ты

услышишь, как в северных краях повсюду разнесётся отчаянный стон католиков от мала до велика. Так, а где Пули? Ему давно пора...

Оборачивается. ПУЛИ оказывается рядом с ним. УОЛСИНГЕМ слегка вздрагивает.

УОЛСИНГЕМ. А, Пули!

ПУЛИ. Они в нижнем зале. Там, наверху есть тайный альков. Идёмте.

Свет над пиришеством во внутренних помещениях таверны. Несколько католиков уткнулись в кружки. Среди них ДЖОН БАЛЛАРД в отороченном золотой тесьмой плаще и чёрной шляпе с серебряными пуговицами и ЭНТОНИ БАБИНГТОН, молодой, привлекательный, наивный человек, одетый в скроенный по фигуре шёлковый камзол. Вся атмосфера скорее напоминает претенциозный выпендрёж и мечту выпивохи, нежели предполагаемую революцию. ПУЛИ молча проводит УОЛСИНГЕМА и ФЕЛИППЕСА наверх, откуда они могут наблюдать за заговорщиками, оставаясь в тени.

БАЛЛАРД. Шестьдесят тысяч человек!

УОЛСИНГЕМ. Это наш?

ПУЛИ. Нет, милорд. Того, кто вам нужен, зовут Энтони Бабингтон.

БАЛЛАРД. Этим летом! Шестьдесят тысяч воинов-католиков придут этим летом!

УОЛСИНГЕМ. А по речам будто наш.

БАБИНГТОН. Джон, потише! Веди себя благоразумно, а то нас всех переловят, прежде чем...

БАЛЛАРД. Вырезать из тела угнетённой Англии эту раковую опухоль по имени Елизавета! *(Вскарабкивается на стол и орёт.)* Шестьдесят тысяч человек!

Остальные католики отзываются одобрительными пьяными возгласами.

УОЛСИНГЕМ. У них что, действительно есть шестьдесят тысяч человек?

ПУЛИ. В этом зале я насчитываю только пятерых, милорд.

БАБИНГТОН. Джон, сядь!

БАЛЛАРД. Я услышал об этом из собственных уст посла Мендосы!

БАБИНГТОН. Лучше бы ты услышал об этом от нашей законной королевы!

Радостное возбуждение покидает комнату. БАЛЛАРД неуклюже перебирается со стола на стул.

ПУЛИ. Вот Бабингтон.

БАБИНГТОН. От королевы Марии мы ничего не слышали. Мы даже не знаем, даст ли она позволение сместить эту самозванку Елизавету.

БАЛЛАРД. Так поговори с ней. Ты же у неё в доверии.

БАБИНГТОН. Я пытался, не один раз. Но она же накрепко заперта в Чартли. В замке её сторожит этот старый тощий пуританин, Эмиас Паулет, а он не пропустит даже ветерка, если тот прежде не присягнёт Елизавете.

БАЛЛАРД. Мои извинения.

БАБИНГТОН. Это не так-то просто.

ПУЛИ. Может быть, я сумею помочь? (*Заходит в комнату, выкатывая перед собой пустой бочонок из-под пива.*)

БАБИНГТОН (*светясь от счастья*). Робин!

БАЛЛАРД (*полный ненависти*). Пули.

ФЕЛИППЕС. Как он там очутился? Он был с нами секунду назад.

УОЛСИНГЕМ. Тсс!

ПУЛИ. Энтони прав. В Чартли ничего не завозят и ничего оттуда не вывозят. Кроме одного. (*Трясёт бочонком.*) Пива. Даже пуританин не откажет в пиве ни одной шотландке. Каждую неделю новые бочки доставляют, старые бочки забирают, и всё один и тот же человек. Один честный пивовар. За капелюшку золота он согласен прибавить кое-что к своему грузу.

ПУЛИ запускает руку в бочонок и достаёт кожаную тубу, заткнутую пробкой. Вынув пробку, он вытаскивает из тубы записку, разворачивает и поднимает повыше.

И всё, что нам потребуется, господа, — лишь надёжный шифр.

Раздаётся гул славословий и радостного возбуждения, который внезапно прерывает БАЛЛАРД.

БАЛЛАРД. Уолсингем — вот на кого ты работаешь! На Уолсингема!

Ужас охватывает и католиков, и ФЕЛИППЕСА, который в смятении подаётся вперёд. УОЛСИНГЕМ, протянув руку, успокаивает ФЕЛИППЕСА. ПУЛИ не ведёт и бровью.

ПУЛИ. Зачем ты такое говоришь, Джон?

БАЛЛАРД, человек крупный, шатаясь, нависает над лицом ПУЛИ,

БАЛЛАРД. Один мой друг — я не стану говорить кто, иначе его убьют по твоей указке, — видел, как ты заходил к Уолсингему в дом. На той неделе. Пробыл там больше двух часов и ушёл с деньгами.

Пауза. ПУЛИ по-прежнему невозмутим.

Что, даже не отрицаешь, а? Мразь! Писать Марии — хочешь поймать нас с поличным и перевешать?! Майлз был мне другом, очень хорошим другом, а ты...

ПУЛИ. Майлз оказался предателем дела католической церкви, Джон. Я — не предатель. Я тот, кто избавляет нас от предателей.

БАЛЛАРД. Я скажу тебе, кто ты есть...

ПУЛИ. Да, я был в доме Уолсингема на той неделе. Ты хотел бы знать, с какой стати? По рекомендации Моргана — ты же знаешь, кто такой Морган, а, Джон? человек королевы Марии в Париже, — я теперь нахожусь в услужении у его дочери Фрэнсис, новоявленной леди Сидни. И таким образом имею возможность обнаружить немало секретных сведений.

БАЛЛАРД. С чего бы это Уолсингему нанимать слугу по совету нашего самого отъявленного негодяя?

УОЛСИНГЕМ. О, господин Морган преподносит много интересных даров!

ПУЛИ. Они все поддерживают с ним связь. Что, ты не знал? Все наши самые лучшие, самые выдающиеся люди. Морган. Гилберт Гиффорд. Чарльз Пейджет. И может быть, даже ты, Джон. Торгуется. Предлагаете. Льстите. Зачем? Да кто его знает зачем! Одни — чтоб не класть все яйца в одну корзину, я полагаю. Другие — походатайствовать о реституции, о прощении, о разрешении вернуться. Третьи верят, что могут завербовать и самого Уолсингема и стремятся его совратить. Четвёртые — по той же причине, по какой кролик смотрит в страшные чёрные змеиные глаза: потому что он зачарован непостижимой красотой ужаса. Но они все в этом замешаны.

БАЛЛАРД. Все, кроме тебя, разумеется.

ПУЛИ. Все, кроме меня. Разумеется.

Не глядя на БАБИНГТОНА, ПУЛИ протягивает ему какой-то документ. БАБИНГТОН бегло его просматривает.

ПУЛИ. Я нашёл это в папках Уолсингема. Копия его письма Майлзу, со списком мишеней.

БАБИНГТОН. Здесь все наши имена.

БАЛЛАРД. Фальшивка!

БАБИНГТОН. Стоит подпись Уолсингема.

БАЛЛАРД. И откуда бы, Энтони, тебе знать его подпись?

БАБИНГТОН. Печать дьявола знает каждый.

ПУЛИ. Как же это Морган не посвятил тебя в свои планы, Джон? Быть может, он тебе не доверяет? Раз уж ты «очень хороший друг» предателя Майлза...

Пауза. БАЛЛАРД, качнувшись назад, падает обратно на стул.

БАЛЛАРД (*горестно*). Шестьдесят тысяч человек...

УОЛСИНГЕМ. Всё-таки он неподражаем.

ПУЛИ. Король Испании сгорает от нетерпения, господа. Пора действовать.

ФЕЛИППЕС. Вы впустили его в свой дом?

УОЛСИНГЕМ. В дом своей дочери.

ФЕЛИППЕС. Вы считаете, это разумно, сэръ? Это вы дали ему письмо, или он сам?

УОЛСИНГЕМ впивается глазами в ФЕЛИППЕСА.

ПУЛИ. Мне сказать пивовару, чтобы ждал твоего послания, Энтони?

БАБИНГТОН в нерешительности смотрит на ПУЛИ, потом на БАЛЛАРДА, потом на бочонок.

БАБИНГТОН. Дай мне время, Робин.

ПУЛИ проводит рукой по щеке БАБИНГТОНА. БАБИНГТОН тает. БАЛЛАРД с отвращением отворачивается.

ПУЛИ. Нам нельзя больше откладывать.

БАБИНГТОН. Ещё немного времени.

Заговорицки расходятся, оставив БАБИНГТОНА смотреть на бочонок.

УОЛСИНГЕМ. Приведи его ко мне.

ФЕЛИППЕС. Бабингтона?! Но тогда он поймёт, что мы следили за ним.

УОЛСИНГЕМ. Приведи его ко мне, Томас. И поскорее.

СЦЕНА ПЯТАЯ

Уилтишир. Трое мужчин — ДЕЙВИ, ТОМ и АДАМ — пьют в таверне. ДЕЙВИ встаёт.

ДЕЙВИ. Моя очередь, парни.

АДАМ. Самое время.

ДЕЙВИ уходит. ТОМ наклоняется к АДАМУ и озабоченно шепчет.

ТОМ. Молчи как немтырь, когда рядом старина Дейви.

АДАМ. Зачем?

ТОМ. Чего ты, не знаешь? Его ж видели, перед тем как забрать Микки-монашку-то за неподчинение, как он выходил из большого дома. Говорят, это он разболтал нашему сквайру, что Микки-то молится на святых.

АДАМ. Кто говорит? Кто видел?

ТОМ. Да какая разница кто! Микки-монашке-то вообще уж без разницы.

АДАМ. Разница в том, правда всё или нет.

ТОМ. Да уж давно всем известно: сквайр якшается с Лондоном, донесения туда посылает, ещё там... Дейви-то какого делать в большом-то доме, когда бы не это?

АДАМ. Ну, со сквайром-то он не в ладах, это я точно знаю.

ТОМ. А на что он выпить-то покупает? Уж три месяца без работы.

АДАМ. Тсс! Обрато идёт.

ТОМ. Поссать надо пойти. Вот помяни моё слово! (*Уходит.*)

Возвращается ДЕЙВИ с выпивкой. Пауза.

ДЕЙВИ. Ну что?

АДАМ. Как ты и сказал.

ДЕЙВИ. Кто б сомневался!

АДАМ. Тебя видели со сквайром, перед тем как забрать Микки-монашку.

ДЕЙВИ. По всей деревне вот это носит.

АДАМ. Думал, вы с ним друзья.

ДЕЙВИ. Тоже так думал.

АДАМ. Так ты не был вообще в большом доме?

ДЕЙВИ. Я ж не в ладах со сквайром. Все люди уж давно знают. Ублюдок затеял огородить общий выгон, спереть, сука, моих овец, а я ему не даю. Топор ему захерачить в горло! Все они тут ворьё, эти ублюдки, а наша распрекрасная бесстыжая королева — первое всех. Давно пора уже выдрать с корнями к едрене фене эту страну.

АДАМ. И зачем тогда Тому рассказывать мне, что ты был там?

ДЕЙВИ. Я-то откуда знаю?

АДАМ. Сдаётся мне, по одной-единственной причине.

Пауза.

ДЕЙВИ. Нет.

АДАМ. Бросить подозрение на кого-то другого.

Пауза. Оба в размышлении.

ДЕЙВИ. Думал, вы с ним не разлей вода.

АДАМ. Не разлей вода. Вот и с беднягой Миком мы тоже были. (*Пауза.*) Пойти надо воздухом подышать да подумать про всё про это. Ничего ему не говори. (*Уходит.*)

ТОМ возвращается из туалета, садится. Пауза.

ТОМ. Ну, как оно, Дейви?

ДЕЙВИ. Да всё ништяк, Том. (*Пауза.*) В тот день, когда забрали Микки-монашку...

ТОМ. Жалко засранца. И кричал он, я слышал, что-то такое страшное, как его пороли.

ДЕЙВИ. Слышал?

ТОМ. Так не было ж меня там! Добрых две недели в отъезде. У жениных родственников возле Стипл-Эштона.

Пауза.

ДЕЙВИ. Вот ты и Адам.

ТОМ. Ну?

ДЕЙВИ. Вот вы всегда были не разлей вода.

ТОМ. Да как братья.

ДЕЙВИ. Он мне сейчас кое-что рассказал.

ТОМ. Ну и?

ДЕЙВИ. Думает, сказал, это ты людям болтаешь, будто бы это я навещаю сквайра...

ТОМ. Да не болтаю я людям...

ДЕЙВИ. ...потому что сам навещаешь сквайра.

Пауза.

ТОМ. Да не верю я тебе. Адам и я — мы как братья.

ДЕЙВИ. Сам у него спроси.

ТОМ. Его, значит, видали, как он выходил из большого дома, а я с какого-то стану ему ещё верить?!

ДЕЙВИ. Кто меня видел? Ты меня видел?

ТОМ. Вот я лично не видел; я ж говорю: меня-то тут не было, но...

ДЕЙВИ. Я сквайра терпеть не могу. Будь его воля, по миру меня пустит.

ТОМ. И зачем тогда Адаму...?

ДЕЙВИ. Том, я не знаю. Но могу догадываться о причинах, ты — нет? Да чтоб остаться единственным ушлёпком, о котором никто ничего не говорит. (*Пауза.*) Вот он идёт. Сам у него спроси.

АДАМ возвращается, садится. Пауза.

АДАМ. Хорошо сидим, парни.

ДЕЙВИ. Хорошо сидим, Адам.

ТОМ. Хорошо сидим.

*В накалённой атмосфере враждебности трое мужчин смотрят друг на друга.
Пауза.*

АДАМ. Кто ещё по одной?

Затемнение.

СЦЕНА ШЕСТАЯ

Кабинет УОЛСИНГЕМА, поздняя ночь. Единственное освещение — тускло горящие свечи, от которых по комнате разбегаются грозные тени. УОЛСИНГЕМ за письменным столом; напротив него в низком кресле, отчаянно ёжась, сидит встревоженный БАБИНГТОН. Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Никто не знает, что вы здесь, Энтони.

БАБИНГТОН. Как вы можете быть уверены?

УОЛСИНГЕМ. В некотором смысле это моя работа. Хранить секреты.

Пауза.

БАБИНГТОН. Не понимаю, зачем вы меня сюда привели, господин советник. Я ничем не могу вам служить.

УОЛСИНГЕМ. Тогда, может быть, я сумею услужить вам. Вы ведь желаете отправиться за границу, не так ли? Мне говорил ваш приятель, господин Пули.

БАБИНГТОН. Пули!

УОЛСИНГЕМ. Так вы с ним знакомы. Не так ли? Это человек в услужении у моей дочери. Кажется, честный мальчик. Он меня всё разыскивал, хотел мне сказать, что один джентльмен, его приятель, католик, но приверженный королеве, пытается получить разрешение выехать из страны.

БАБИНГТОН. Я... возможно, упоминал при нём что-то...

УОЛСИНГЕМ. И в чём же, Энтони, состоит причина вашего желания отправиться за границу?

БАБИНГТОН. Потребность души... Ради неспешного созерцания искусства Тосканы...

УОЛСИНГЕМ. Восхитительно. Не ведь вы не так уж давно возвратились из подобной поездки. Зачем ехать снова? Сейчас?

Пауза.

БАБИНГТОН *(вяло)*. Погода...

УОЛСИНГЕМ. Нет ли в этом желании чего-либо избежать? Какой-нибудь интриги, из которой вы желали бы выпутаться?

БАБИНГТОН. Нет, сэр!

УОЛСИНГЕМ. Потому что, если есть, имеются способы гораздо лучше, чем бегство. В такие удушливые времена, Энтони, люди делятся на два лагеря. *(Словно лезвием, разрезает воздух ладонью.)* Друзья — и враги. Но это не значит, что человеку из одного заказано перейти в другой. Из опасного в безопасный.

БАБИНГТОН. И как же ему это сделать?

УОЛСИНГЕМ. Доказать своим новым друзьям свои дружеские намерения.

БАБИНГТОН. Каким образом?

УОЛСИНГЕМ. Я надеялся, это вы мне скажете.

БАБИНГТОН в страхе озирается по сторонам.

УОЛСИНГЕМ. Не знаю, что вы тут пытаетесь высмотреть, господин Бабингтон. Вероятно, наслушались сказок про Топклифа из Тауэра, про различные непристойности, которые он вытворяет с человеческим телом. Чудовищное преувеличение. Я просто поражаюсь, как люди всему этому верят. *(Пауза.)* Нет здесь никакого Топклифа, Энтони. Только двое мужчин, которые, возможно, станут друзьями и разговаривают.

Пауза.

БАБИНГТОН. Я всем сердцем был бы готов принять вашу дружбу, господин советник, и доказать моё к вам расположение, но у меня нет ни малейшего представления о том, как это сделать.

УОЛСИНГЕМ. Совсем никакого?

БАБИНГТОН. Совсем, милорд.

УОЛСИНГЕМ. За время ваших разнообразных странствий вы ни разу не слышали разговоров об ухищрениях, имеющих целью установить связь между Марией Шотландской и королём Испании Филиппом?

БАБИНГТОН. Нет, милорд.

УОЛСИНГЕМ. Имена Морган и Мендоса ничего вам не говорят?

БАБИНГТОН. Только об их репутации, милорд.

УОЛСИНГЕМ. И мне нечего вам пообещать — ни золота, ни заверений в безопасности, — что могло бы вас побудить обнаружить осведомлённость в такого рода вопросах?

Пауза. БАБИНГТОН мучительно борется с искушением.

БАБИНГТОН *(тихо, опустив голову)*. Нет.

УОЛСИНГЕМ пристально смотрит на БАБИНГТОНА, потом неожиданно встаёт и протягивает руку.

УОЛСИНГЕМ. Ну, что ж, Энтони. Спасибо вам, что зашли меня навестить. Простите, что отнял у вас время. Я займусь вопросом вашей поездки.

БАБИНГТОН шатаясь поднимается на ноги, берёт шляпу и после недолгого колебания пожимает УОЛСИНГЕМУ руку.

БАБИНГТОН. Благодарю вас, господин советник.

У БАБИНГТОНА отлегло от сердца: кажется, всё худшее уже позади. Он направляется к выходу.

УОЛСИНГЕМ. Да, кстати! Я попросил вашего приятеля Джона Балларда встретить вас у ворот.

По лицу БАБИНГТОНА пробегают гримасы безграничного ужаса.

БАБИНГТОН. Вы же сказали, никто не знает, что я...

УОЛСИНГЕМ. Это чтобы меня ненароком не обвинили в жестоком обращении с вами. Никаких увечий, не так ли? Как я уже говорил, никакого Топклифа здесь нет.

На какое-то мгновение БАБИНГТОН вперился взглядом в УОЛСИНГЕМА. Ужас в его лице сменяется яростью. Он бросается прочь. УОЛСИНГЕМ хищно улыбается вслед.

СЦЕНА СЕДЬМАЯ

БАБИНГТОН в одиночестве расхаживает взад и вперёд, сжимая в руке бумагу и перо. Перед ним укоризненно выступает пивной бочонок. В глубине сцены в углу за письменным столом сидит *ФЕЛИППЕС*, позади стоит *УОЛСИНГЕМ*. Оба наблюдают за *БАБИНГТОНОМ*.

ФЕЛИППЕС. Вы ведь совершенно не имели намерения добиться от него показаний, не так ли, сэр?

УОЛСИНГЕМ. Если б он заговорил, я бы не отказался. Но верностью он не поступился. Вот этим-то я и воспользуюсь против него.

УОЛСИНГЕМА охватывает приступ кашля намного сильнее прежнего.
ФЕЛИППЕС озабоченно смотрит на него.

ФЕЛИППЕС. Стало ещё хуже, сэр. Может быть, надо...

УОЛСИНГЕМ раздражённо отмахивается от предложения.

УОЛСИНГЕМ. Люди породы Бабингтона, чего они боятся больше всего?

ФЕЛИППЕС. Не могу знать, сэр. Я же не его «породы».

УОЛСИНГЕМ. А ты угадай, Томас.

ФЕЛИППЕС. Что закончится помада для волос?

УОЛСИНГЕМ. Потерять честь. Для человека, подобного Бабингтону, честь — это всё. Из-за визита ко мне католики уже рассуждают о его вероломстве. И хотя он знает, что я за ним наблюдаю, у него есть только один способ доказать верность общему делу, и страх будет бит козырем чести.

БАБИНГТОН начинает писать. Вслед за его пером перед нами начинают мелькать зашифрованные строки тайнописи. Как только возникают символы шифра, *ФЕЛИППЕС* тут же принимается расшифровывать.

ФЕЛИППЕС (расшифровывает). «Сие дерзновенное и благородное свершение, от коего зависит не только драгоценнейшая жизнь Вашего величества, но и честь нашей страны».

УОЛСИНГЕМ. Ловко ты управляешься!

ФЕЛИППЕС. Тут всё просто, сэр. Замена, перестановка, парочка пустых знаков. Взято из шифровальной книги дела Порты. Не блещут они умом, эти еретики.

УОЛСИНГЕМ. Продолжай.

ФЕЛИППЕС. «Что же касается до вторжения, то армия посягателя располагает достаточной численностью. Порты прибытия определены, в каждом имеется значительная партия сторонников, готовых влиться в их ряды. Избавление Вашего

величества будет осуществлено мною лично и шестью достойными джентльменами».

БАБИНГТОН (*бормочет себе под нос*). Движимые рвением, которое они питают к делу католической церкви и к вашему величеству... они приведут в исполнение сей трагический...

БАБИНГТОН в нерешительности перестаёт писать. Между шпионами чувствуется напряжение. Из темноты возникает ПУЛИ. Он растёгивает на БАБИНГТОНЕ рубашку, целует в шею, что-то шепчет на ухо. БАБИНГТОН заканчивает письмо. ПУЛИ исчезает во тьму.

ФЕЛИППЕС. «Движимые рвением, которое они питают к делу католической церкви и к Вашему величеству, они приведут в исполнение сей трагический приговор и предадут узурпатора, Елизавету, смерти».

БАБИНГТОН озирается в поисках ПУЛИ, но тот уже исчез. БАБИНГТОН запечатывает письмо в кожаную тубу, кладёт в бочонок и укатывает его в темноту.

УОЛСИНГЕМ. А теперь дождёмся ответа от Марии.

Пауза. Напряжение. Бочонок прикатывается обратно. БАБИНГТОН хватается за него, достаёт тубу, открывает и тут же оказывается схвачен возникшими словно из ниоткуда вооружёнными людьми. УОЛСИНГЕМ забирает из рук БАБИНГТОНА записку и читает вслух.

УОЛСИНГЕМ. «Тогда и настанет час шести джентльменам приступить к действию...»

БАБИНГТОН. Нет... прошу вас...

УОЛСИНГЕМ. «С тем чтобы переправить меня из этого места...»

БАБИНГТОН. Я не... Робин!

УОЛСИНГЕМ. «А мою кузину Елизавету — в иной мир всецело».

БАБИНГТОН. РОБИН!

Сверху падают петли. На сцену вытаскивают БАЛЛАРДА. Головы БАБИНГТОНА и БАЛЛАРДА просовывают в петли. Входит ЕЛИЗАВЕТА. Под её ледяным взглядом УОЛСИНГЕМ протягивает ей записку. Быстро прочитав, ЕЛИЗАВЕТА поднимает глаза. Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Хватит, чтоб устранить предателей.

БАБИНГТОН. Нет... НЕТ!

Резко открывается люк и под весом мужчин так же резко натягиваются, дрожа, верёвки.

ЕЛИЗАВЕТА. Не хватит, чтоб устранить королеву.

УОЛСИНГЕМ. Но, ваше величество...

Она машет рукой и удаляется. Тела БАБИНГТОНА и БАЛЛАРДА срезают и уволакивают прочь. Повелительным жестом в противоположную сторону УОЛСИНГЕМ приказывает кому-то войти. Спешно является очень встревоженный ПАЛМЕР, подгоняемый сзади ФЕЛИППЕСОМ.

УОЛСИНГЕМ. Сколько денег ты уже получил от меня, а, Палмер?

ПАЛМЕР. Вы крайне щедры, сэр.

УОЛСИНГЕМ. И до сих пор ни единого слова ни про Саутвелла, ни про какого другого иезуита?

ПАЛМЕР. Не с неба же мне их наколдовать, ваша честь.

УОЛСИНГЕМ. Но ты можешь помочь им исчезнуть.

ПАЛМЕР. Что вы, сэр!

УОЛСИНГЕМ. Предупредить об опасности.

ПАЛМЕР. Да ни в жизнь!

УОЛСИНГЕМ. Тут один человек, Палмер, обвиняет тебя в симпатиях к католикам.

ПАЛМЕР. Кто?

УОЛСИНГЕМ. Этого тебе знать не позволено.

ПАЛМЕР. В каких симпатиях?

УОЛСИНГЕМ. Этого тоже тебе знать не позволено.

ПАЛМЕР. И как мне тогда опровергнуть эти все обвинения?

УОЛСИНГЕМ. А не надо. Я склоняюсь к тому, чтоб упечь тебя за решётку, Палмер. Или похуже.

ПАЛМЕР. Прошу вас, милорд, я сделаю что угодно!

УОЛСИНГЕМ. Мне говорили, ты хорошо обращаешься с пистолетом.

ПАЛМЕР. Кто сказал... Да, сэр, лучший в своём полку.

УОЛСИНГЕМ. М-м-м. Сейчас имеется?

ПАЛМЕР. Да, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Может, ты мне и пригодишься в конце-то концов. Найди меня в Кенсингтоне, в саду, завтра в час. Возьми пистолет.

ПАЛМЕР. Да, сэр. В саду, в Кенсингтоне? Это разве не королевские владения...?

УОЛСИНГЕМ. Ты ещё задаёшь вопросы?

ПАЛМЕР. Нет, сэр. Только... как я войду? Эту стену мне вряд ли одолеть.

УОЛСИНГЕМ протягивает руку. ФЕЛИППЕС вынимает тяжёлый резной металлический ключ и кладёт УОЛСИНГЕМУ в ладонь.

УОЛСИНГЕМ. При помощи ключа, Палмер. Как все нормальные люди.

ПАЛМЕР смотрит на ключ, потом на УОЛСИНГЕМА, в голову закрадываются подозрения. Пауза. Выбора у него нет. ПАЛМЕР берёт ключ и убирает в карман.

ПАЛМЕР. Да, сэр. Благодарю, сэр.

Уходит торопливым неловким шагом.

СЦЕНА ВОСЬМАЯ

Сады Кенсингтонского дворца. Розы. Солнечный свет. Входит УОЛСИНГЕМ с ЕЛИЗАВЕТОЙ. За ними, оглядывая окрестности, следует пара вооружённых СТРАЖНИКОВ.

ЕЛИЗАВЕТА. Когда я выхожу прогуляться, Уолсингем, это за тем, чтобы спастись от душливой обстановки и интриг двора. Чтобы проветрить голову и лёгкие от таких людей, как вы. И меньше всего на свете я хочу обнаружить здесь вас. Прилипли к моим башмакам, как кусок...

УОЛСИНГЕМ. В столь беспокойные времена, ваше величество, позволить нашей высочайшей особе прогуливаться без охраны, не имея наследников, было бы неосмотрительно с моей стороны. А кроме того, кто может устоять перед вашим садом, да ещё в такой день?

ЕЛИЗАВЕТА. Неужели? Я принимала вас скорее за поклонника темноты, а не света.

УОЛСИНГЕМ. Внешность бывает обманчива. Это не *Artemisia* ли *absinthium*?

ЕЛИЗАВЕТА. Вы это всерьёз интересуетесь?

УОЛСИНГЕМ. Полынь горькая. Абсолютно. Прекрасный образец декоративного растения. Обитает преимущественно на Кавказе.

ЕЛИЗАВЕТА. Вы не перестаёте меня удивлять.

УОЛСИНГЕМ. Я всегда питал слабость к садоводству. Зелень жизни прорывается из земли! Такая отрада — ухаживать, растить. Решать, кому из подопечных жить, а кому нет.

В углу сада появляется ПАЛМЕР.

ЕЛИЗАВЕТА. Это кто?

УОЛСИНГЕМ. Понятия не имею. Вероятно, садовник.

ЕЛИЗАВЕТА. Не одеваются так садовники.

УОЛСИНГЕМ. По-моему, не стоит слишком тревожиться. Здесь вполне безопасно.

ПАЛМЕР замечает УОЛСИНГЕМА и быстрым шагом направляется к нему.

ЕЛИЗАВЕТА. Он идёт сюда. Уолсингем! Он идёт!

УОЛСИНГЕМ. Совершенно верно.

ЕЛИЗАВЕТА. Делайте что-нибудь!

УОЛСИНГЕМ. Разумеется, ваше величество. Стража!

СТРАЖНИКИ (*взводят курки на ружьях*). Есть, сэр!

УОЛСИНГЕМ. Быть наготове. (*Выступает вперёд, защищая королеву.*) Эй, ты! Оружие есть? Покажи оружие! Покажи оружие, я сказал!

ПАЛМЕР ошеломлённо вынимает из-под плаща пистолет.

ПАЛМЕР. Но...

УОЛСИНГЕМ. Пли!

СТРАЖНИКИ стреляют. ПАЛМЕР падает замертво. УОЛСИНГЕМ подходит к нему.

УОЛСИНГЕМ (*наклоняясь над телом*). Смотри, где ходишь, в следующий раз.

УОЛСИНГЕМ обыскивает карманы ПАЛМЕРА и достаёт ключ. СТРАЖНИКИ утаскивают тело.

ЕЛИЗАВЕТА. У него... Он хотел...

УОЛСИНГЕМ. Именно так. К тому же у него ключ. (*Протягивает ей ключ.*) У скольких персон имеется ключ к саду?

Она вертит ключ в руках, словно не замечая вопроса. Пауза.

Ваше величество? Сколько человек при дворе...

ЕЛИЗАВЕТА. Кроме Бёрли и вас, только у моих приближённых. У камеристок и ещё нескольких.

УОЛСИНГЕМ. Тогда, боюсь, вам придётся начать сомневаться даже в их верности. У Марии повсюду водятся двурушники и шпионы.

ЕЛИЗАВЕТА взрывается, набрасываясь на УОЛСИНГЕМА с кулаками, молотит его по голове, царапает лицо. Он не сопротивляется.

ЕЛИЗАВЕТА. Ты должен был меня защитить! Меня чуть не убили! Это же твоя, сука, работа — меня защищать!

Буря улеглась так же внезапно, как и разыгралась. ЕЛИЗАВЕТА в изнеможении отступает. Пауза. Она возвращает ключ, УОЛСИНГЕМ убирает его в карман. Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Что вы ему сказали?

УОЛСИНГЕМ. Простое благословение.

ЕЛИЗАВЕТА. По-христиански.

УОЛСИНГЕМ. Даже еретики этого заслуживают. Пусть они при жизни избрали ложный путь, при смерти мы не откажем им в спасении души.

ЕЛИЗАВЕТА. Из любви к ближнему.

УОЛСИНГЕМ. Этим непреложным свойством я обязан вашему королевскому величеству.

Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. По дороге домой заедете в казначейство. Я походатайствую о вас перед ними. Мы не смеем ожидать, что вы станете обеспечивать нашу безопасность исключительно из собственного кармана.

УОЛСИНГЕМ почтительно кланяется.

ЕЛИЗАВЕТА. И Фрэнсис... Есть ещё одно дело, я желаю, чтобы вы взяли его в свои руки.

УОЛСИНГЕМ. Разумеется, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА. Вы знаете, о чём речь. Это протрузия, которая продолжает разрастаться, а значит неминуемо должна быть иссечена, раз и навсегда.

УОЛСИНГЕМ. Разумеется, ваше величество. Я отправлю сэра Уильяма Дэвисона. С предписанием об окончательном исполнении.

ЕЛИЗАВЕТА кивает.

Солнце и розы исчезают, наступает темнота. Барабанная дробь. Шаркающей походкой, с завязанными глазами и ногами, закованными в цепи, из темноты выходит МАРИЯ, КОРОЛЕВА ШОТЛАНДИИ, облачённая в кроваво-красный атлас. На груди МАРИИ — распятие из слоновой кости. Громадный палач с закрытым маской лицом кладёт её голову на плаху и заносит топор.

МАРИЯ.

*In te, Domino, confido me,
Confundar in eternum,
In manus tuas, Domine,
Commendo spiritum meum...*

Палач бьёт топором. Промахивается. Топор вонзается глубоко в голову МАРИИ. Крики боли и страдания наполовину заглушает плаха. ЕЛИЗАВЕТА отворачивается — ей дурно. УОЛСИНГЕМ взирает пылающим взглядом. Палач в панике замахивается вновь, но доводит дело только до половины. Лишь после третьего удара отрубленная голова МАРИИ скатывается к ногам УОЛСИНГЕМА. Он поднимает её, чтобы рассмотреть поближе.

УОЛСИНГЕМ (*тихо, себе под нос*). Тайный театр.

ЕЛИЗАВЕТА (*в потрясении*). Теперь хватит? Должно хватить.

УОЛСИНГЕМ. Для чего?

ЕЛИЗАВЕТА. Для моей безопасности.

УОЛСИНГЕМ. Не совсем.

Входит ФЕЛИППЕС и уносит голову.

ЕЛИЗАВЕТА. Тогда что ещё?

УОЛСИНГЕМ. Война.

Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Вой... что?

УОЛСИНГЕМ. Небольшая.

ЕЛИЗАВЕТА. Небольшая?!

УОЛСИНГЕМ. Не у нас. В Нижних Землях.

ЕЛИЗАВЕТА. Ты же меня заверял: устраним Марию — покончим с запугиваниями Филиппа.

УОЛСИНГЕМ. С запугиваниями — да. С его злобой — нет.

ЕЛИЗАВЕТА. Я убила королеву, Уолсингем! Потому что ты мне сказал! Потому что *ты* сказал: покончим с испанской угрозой!

УОЛСИНГЕМ. Цели смещаются. Методы меняются. А угроза, злоба — они остаются, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА. Я убила королеву! Ты хотя бы понимаешь, что это значит? *(Пауза.)* Ты же сам говорил, мы не можем вести войну. У нас нет солдат, нет оружия, денег...

УОЛСИНГЕМ. Вот поэтому мы заставим Нижние Земли воевать вместо нас. Там восставшие протестанты уже подпалили Испании пальчики. Подбросьте в это пламя немного английских дровишек, и посмотрим, не удастся ли нам выжечь их совместно. Чем дольше Испания сражается в Голландии, тем позже заявится к нашим слабозащищённым берегам.

ЕЛИЗАВЕТА. И какие же именно «дровишки» вы предлагаете подбросить?

УОЛСИНГЕМ. Сегодня, ваше величество, в каждом городе, на каждой проезжей дороге полно людей, которые снялись с мест по причине огораживания общих земель. Они собираются толпами, создают заторы, требуют хлеба и справедливости. Я неоднократно слышал, как вы изъевляли неудовольствие ими.

ЕЛИЗАВЕТА. Бездельники и побродяжки. Людское отребье.

УОЛСИНГЕМ. По имеющимся сведениям, среди них отмечается рост инакомыслия. Звучат призывы к вашему свержению.

ЕЛИЗАВЕТА. Перевешать их надо.

УОЛСИНГЕМ. Или отправить в Нижние Земли. Героически сражаться в освободительной войне.

Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Интересно. Действуйте.

УОЛСИНГЕМ направляется к выходу.

Отправьте с ними сэра Филипа Сидни.

УОЛСИНГЕМ. Командование принадлежит милорду Лестеру, и совершенно по праву.

ЕЛИЗАВЕТА. Сидни же любимый племянник Лестера, разве нет? Пусть присоединится к вашему доблестному предприятию, будет поддерживать в солдатах боевой дух. Своими стихами.

УОЛСИНГЕМ. Но, ваше величество...

Злорадно улыбаясь, она исчезает. Затемнение.

СЦЕНА ДЕВЯТАЯ

Оживлённая лондонская улица. На ящике стоит армейский ВЕРБОВЩИК. Вокруг него собралась толпа.

ВЕРБОВЩИК. Неужели мы останемся в стороне, когда тиран уничтожает свой собственный народ? Диктатор, который не питает уважения ни к жизни, ни к вере, — неужели мы позволим ему избежать наказания? Тому, кто уже нацелился и на наши дома, и на наш достаток? Для нас, англичан, это святая обязанность...

Сзади из толпы подаёт голос какой-то бедняк. Это ДЕЙВИ из уилтширской таверны, оборванный пущё прежнего.

ДЕЙВИ. Простите, сэр! Это про какого тирана вы говорите, про Филиппа Испанского? Или Елизавету?

Толпа хохочет. По бокам ДЕЙВИ возникают двое солдат.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Документы!

ДЕЙВИ. У меня есть все права здесь находиться.

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Собрался шутки шутить? В пользу еретика, который недавно чуть не убил твою королеву? Документы!

ДЕЙВИ. Кто? Полудурок с незаряженным пистолетом? Тот ещё убийца, ага! Да всякому понятно, его подставили! Если какие-то ушлёпки там, наверху, такие тупые, что верят в свою собственную чушь, это не значит, что мы тоже должны, а, парни?

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Ты слышал, сержант? Это речи изменника. Документы!!!

ДЕЙВИ. Нет у меня документов.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. С нами идёшь.

ДЕЙВИ. Постой! Ты же с Уилтшира?

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. С Чиппенхэма.

ДЕЙВИ (*улыбаясь*). А я с Траубриджа. Ну, или рядом, это без разницы.

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Сержант!

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Постой!

ДЕЙВИ. Землякам надо держаться вместе. У меня было десять голов овец, две коровы, а потом наш сквайр, сука, огородил общий выгон и спёр их у меня.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. Нашей армии в Голландии нужно мясо.

ДЕЙВИ. А нашим дворянам подавай прибыль!

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Хочешь заморить армию голодом, и это называется помогать голландцам сражаться за правое дело?

ДЕЙВИ. Пока что голодом заморили меня.

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Снова речи изменника. Ты предатель!

ДЕЙВИ. Предатель — это наш сквайр, который меня сделал нищим. Предатель — это там, наверху, который стравливает бедняков с бедняками и получает прибыль.

ВТОРОЙ СОЛДАТ. С нами идёшь!

ДЕЙВИ. Вот их отправляй в свою армию!

ВТОРОЙ СОЛДАТ. Докажи, что ты не предатель! Бейся за свою родину!

ДЕЙВИ (*умоляюще ПЕРВОМУ СОЛДАТУ*). Землякам надо держаться вместе!

Пауза.

ПЕРВЫЙ СОЛДАТ. В Чиппенхэме траубриджских не переносят.

Утаскивают ДЕЙВИ прочь.

СЦЕНА ДЕСЯТАЯ

Кабинет УОЛСИНГЕМА. Ночь. Огонь в камине. УОЛСИНГЕМ с мрачным лицом вчитывается в католическую брошюру. Кашель его стал хуже. СИДНИ в блестящих старинных рыцарских доспехах внимательно рассматривает групповой портрет БАБИНГТОНА и других заговорщиков. Пауза.

СИДНИ. Что это у вас, Фрэнсис?

УОЛСИНГЕМ. Новейшее послание Саутвелла. «Всепокорнейшее прошение к её величеству». Всепокорнейшее! Этот человек не понимает даже смысла этого слова. Да и множества других слов, судя по отвратному качеству его прозы.

СИДНИ. И каков его тезис?

УОЛСИНГЕМ. Обвиняет меня в инспирировании заговора Бабингтона.

СИДНИ. Но ведь это вы инспирировали заговор Бабингтона.

УОЛСИНГЕМ. Именно поэтому мне меньше всего нужно, чтобы какой-то католический пропагандист разглашал мои ходы. Что с вами, Филип?

СИДНИ. Простите, Фрэнсис. Я очень устал сражаться на вашей войне.

Пауза. УОЛСИНГЕМ встаёт. Кладёт руку на плечо СИДНИ.

УОЛСИНГЕМ. Это мне, конечно, следует извиняться. Это... Королева мстительна.

СИДНИ. Да, говорят.

УОЛСИНГЕМ. Она считает, что с Марией мы каким-то образом её обманули. Сэр Уильям Дэвисон в Тауэре, а нам с Бёрли вот посчастливилось не составить ему компанию. Я просто в ярости, что мы никак не арестуем этого... *(размахивает брошюрой)* шарлатана. И конечно я беспокоюсь за вас. Как наши дела в Голландии?

Пауза. СИДНИ читает девиз на портрете.

СИДНИ. «*Hi mihi sunt comites, quos ipsa pericula ducunt.*» «Эти мужи — мне товарищи, коих сама опасность избрала». И прошу предать меня казни как можно быстрой». Где вы это нашли?

УОЛСИНГЕМ. У него на квартире. Бабингтон с отважными братьями, запечатлённый для потомков. Забавная вещица, решил — сохраню на память.

СИДНИ. Какими же надо быть заговорщиками, чтобы заказывать свой портрет?

УОЛСИНГЕМ. Тупыми.

СИДНИ. Или хуже.

УОЛСИНГЕМ. В смысле?

Пауза.

СИДНИ. Фрэнсис...

УОЛСИНГЕМ. Филип?

СИДНИ. Я, как на грех, придворный.

УОЛСИНГЕМ. И весьма искушённый.

СИДНИ. Мир обманов и заблуждений, фальшивых лиц и угодливых рукопожатий — мир, который я знаю лучше всего. Я не наивен и разбираюсь в потребностях государства. И ни один человек не сможет назвать меня трусом.

УОЛСИНГЕМ. Я позабочусь об этом.

СИДНИ. Но я был бы счастлив знать, что мы опираемся на краеугольный камень истины.

УОЛСИНГЕМ. Я всего лишь направил Бабингтона вперёд по дороге, которую он избрал сам, и не более.

СИДНИ. Да забудьте вы про Бабингтона и его приспешников. Ряженные в шелка кретины. Получили по заслугам.

УОЛСИНГЕМ. Именно.

СИДНИ. Я говорю о войне. *(Пауза.)* Дела наши плохи. Люди не видят в ней никакого смысла. Долги мои взлетели до небес.

УОЛСИНГЕМ. Да, мне известно. Я сделаю, что смогу.

СИДНИ. Я не прошу и не стану просить особого отношения. Я хожу в атаки. Убиваю инакомыслящих. И нередко заставляю Лестера проявлять больше дерзости в наступлении.

УОЛСИНГЕМ. Да, он жалуется мне в письмах.

СИДНИ. Но я не собираюсь умирать — и никому не дам умереть — за вымысел, за лживую подмену истинной причины раздора.

УОЛСИНГЕМ. Вы не умрёте. *(Кашляет снова.)* Меня-то переживёте, во всяком случае.

СИДНИ. Фрэнсис говорит, что умру. Она видит сны.

УОЛСИНГЕМ. Я говорил ей, уже не раз, чтоб держала при себе свои страхи. И это не вымысел.

СИДНИ. Когда ты по колено в человеческом говне и мозгах, то конечно нет.

УОЛСИНГЕМ. Это основывается на истине, глубина которой известна только нам. Вы же там были со мной. В Париже. В день святого Варфоломея. За протестантами охотились по всему городу, как за дикими зверями. Эти серые, как клейстер, лица у

мужчин, у женщин, которые ещё успели укрыться в нашем посольстве, онемевшие от потрясения, от ужаса языка. Лужи крови засыхают на солнце. Руки, ноги оторваны, болтаются на цепях. Тысячи убитых, а чернь завывает у ворот, требуя ещё.

СИДНИ. Я всё это помню. Мне было восемнадцать.

УОЛСИНГЕМ. Этот звук — это гроыхание ворот, этот глухой, нескончаемый вой жаждущих нашей крови! Я так и не смог его позабыть.

СИДНИ. Вам незачем мне напоминать.

УОЛСИНГЕМ. Ни его, ни того унижительного понимания, что в любую минуту Гизы, ежели заблагорассудится, могут лишить нас дипломатической защиты и позволят нам умереть. Вот как поступают католики, Филип! Вот какая у них натура! Дай им волю, и не будет у протестантской Англии другого конца, кроме виселицы. А значит мы просто обязаны перенацелить их на Нижние Земли. Чем дольше вы сможете удерживать Армаду вдали от наших берегов, тем больше у нас возможности нарастить достаточно сил, чтобы разбить её, когда явится. Это в общем-то наша единственная надежда.

СИДНИ. Я всё это знаю. Конечно, знаю. И конечно же, я готов сыграть свою роль. (Пауза.) Я всего лишь не хочу умереть молодым, сражаясь в чужой стране. И не хочу, чтобы вы сочинили мне какую-нибудь омерзительно героическую эпитафию.

УОЛСИНГЕМ. Вы не умрёте.

СИДНИ. Это война, Фрэнсис. Даже вы не в состоянии управлять всеми перипетиями войны. Но вы можете обещать мне не будоражить низменные человеческие страсти моими гниющими костями.

Пауза. СИДНИ впивается взглядом в УОЛСИНГЕМА.

СИДНИ. Обещайте.

УОЛСИНГЕМ. Конечно. Даю вам слово.

Пауза.

СИДНИ. Хорошо. *Continuons.*¹

УОЛСИНГЕМ. Благодарю. (Указывая на доспехи.) Это то, что на вас надето? В бою?

СИДНИ. А что не так?

УОЛСИНГЕМ. Вам разве не надо что-нибудь на ноги?

СИДНИ (весело). Поножи, Фрэнсис, — так они называются. Они тяжёлые и уже не в моде.

¹ Продолжим. (фр.)

УОЛСИНГЕМ. Соберись я на войну, помышлял бы о моде не в первую очередь.

СИДНИ. Но вы же не собираетесь на войну? *(Пауза.)* Я буду вам отсылать донесения. О наших перемещениях и тому подобном. Есть один человек. Пули. Вы определили его в услужение к моей жене. Просит взять его с собой на войну. Отсылать буду через него.

УОЛСИНГЕМ. Я не совсем уверен...

СИДНИ. Не уверены в чём? *(Пауза.)* До завтра!

СИДНИ поворачивается на каблуках и уходит. УОЛСИНГЕМ направляется следом. Преграждая ему путь, входит ФРЭНСИС, глубоко беременная.

ФРЭНСИС. Он умрёт. Лошадь под ним убьют, и он умрёт в муках. *(Пауза.)* Я подслушивала. Я дочь своего отца.

УОЛСИНГЕМ. Тогда исполни приказание своего отца и прекрати...

ФРЭНСИС. Я уже исполнила, отец, когда вы выдавали меня за Филипа. Сколько ещё вы собираетесь дёргать меня за верёвочки?

УОЛСИНГЕМ. Ты неверно толкуешь свою роль, Фрэнсис.

ФРЭНСИС. Роль!

УОЛСИНГЕМ. Вот Сидни свою понимает прекрасно: отважный рыцарь верхом на белом боевом коне. Ты же — дева, к которой он возвратится домой с триумфом. А вот я — всего-навсего сочинитель, расставляющий персонажи наилучшим образом.

ФРЭНСИС. Сказки! Позвольте спросить вас, отец: что произойдёт, когда этих сказок окажется слишком много и ни одна из них не будет хотя бы похожей на правду? А значит люди перестанут их слушать? *(Пауза.)* Я видела его смерть во сне. Так же ясно, как вижу вас.

УОЛСИНГЕМ. Я не могу строить политику, исходя из снов.

ФРЭНСИС. Вся ваша работа — это что, разве не сон?

УОЛСИНГЕМ. Филип вовек не переживёт позора, если я...

ФРЭНСИС. Так определите его в безопасное место!

УОЛСИНГЕМ. Лучшее впечатление он произведёт на передовой. Воин-поэт, символ Англии.

ФРЭНСИС. Прошу вас... Если не ради меня, то ради него. Вы ведь всё-таки его любите, правда?

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Вот именно поэтому я не могу допустить, чтобы...

ФРЭНСИС (*резким движением протягивая бумаги*). Тогда подпишите его долги! Он не станет расплачиваться за вашу «политику» из собственного кошелька. Хватит с вас и его жизни. Подписывайте!!!

Пауза. УОЛСИНГЕМ неохотно подписывает бумаги. ФРЭНСИС выхватывает бумаги из рук отца, поворачивается на каблуках и уходит. Хлопает дверь. Затемнение.

СЦЕНА ОДИННАДЦАТАЯ

УОЛСИНГЕМ разговаривает с ПУЛИ в своём кабинете. Ночь. Оба освещены единственной свечой в руке ПУЛИ. УОЛСИНГЕМ держит бумаги.

УОЛСИНГЕМ. Эти сведения.

ПУЛИ. Да, милорд.

УОЛСИНГЕМ. Никуда не годятся.

ПУЛИ. Отчего же, милорд?

УОЛСИНГЕМ (*читает одну из бумаг*). «Елизавета убита взрывом дорожки пороха, заложенной под её кроватью». Сочиняя подобные фантазии, я не допускал даже мысли, что люди поверят им.

ПУЛИ. В том, что касается королевских особ, англичане — народ доверчивый.

УОЛСИНГЕМ (*читает*). «Многочисленные войска герцога де Гиза высадились в Сассексе и направляются маршем на Лондон, намереваясь атаковать одновременно с нападением с Севера».

ПУЛИ. А что, неправда?

УОЛСИНГЕМ. Нет. Знаете, откуда я знаю, что это неправда? Потому что я сам распустил эти слухи — чтобы подразнить население и подавить инакомыслие.

ПУЛИ. Но, ваша честь, я могу докладывать лишь о том, что слышу. Разве только вам будет угодно, чтобы я не докладывал вам обо всём, что слышу.

УОЛСИНГЕМ. «Началось свержение Елизаветы. Лондон в огне».

ПУЛИ. Да?

УОЛСИНГЕМ. Нет.

ПУЛИ. Я проверю, хотите?

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Вы по-прежнему в тесных связях с католиками?

ПУЛИ. Теснее не бывает, ваша светлость.

УОЛСИНГЕМ. Эти ложные слухи, о которых вы докладываете, — что они думают о них?

ПУЛИ. Они в восторге. Это даёт им надежду на скорейшее избавление.

УОЛСИНГЕМ. Ну, пускай утешаются. Вы у нас будто разносчик испанской пропаганды, не иначе.

ПУЛИ. Прошу меня простить, ваша честь, это, как вы сами заметили, ваша пропаганда.

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Теснее не бывает. И тем не менее вы не можете предложить мне ни малейших сведений об Армаде? Не можете обнаружить ни единого следа Саутвелла?

ПУЛИ. Увы, пока ещё нет, милорд. Хотя, возможно, при небольшом увеличении расходных статей...

УОЛСИНГЕМ сердито машет рукой.

С тех пор как сэра Филип увёз меня в Голландию, стало гораздо труднее.

УОЛСИНГЕМ. Донесения сэра Филипа. Вы держите их в секрете? Никому нигде не показываете?

ПУЛИ. Само собою, милорд. Кому же ещё мне их показывать?

УОЛСИНГЕМ. Для меня крайне важно, чтобы переданные им сведения, а также его местонахождение, оставались нераскрытыми. Вы меня поняли?

ПУЛИ. Я предан вам ничуть не меньше, чем был, господин советник Уолсингем.

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Что вы за человек, Пули?

ПУЛИ. Я — Роберт Пули, достойный подданный Короны и ваш покорный слуга, господин советник.

УОЛСИНГЕМ. Что вы за человек?

ПУЛИ. Знакома ли ваша светлость с парадоксом критского лжеца? «Все критяне — лжецы», — утверждает критянин. И если он говорит правду, то противоречит самому себе, ибо правда в том, что он — лжец. А если он лжёт, то опять же противоречит самому себе, ибо если критяне — не лжецы, как же тогда он сам может лгать?

УОЛСИНГЕМ. То есть вы признаёте, что лжёте.

ПУЛИ. Не более чем критянин, ваша честь.

Пауза. Громкий пушечный выстрел. Быстрым шагом входит ФЕЛИППЕС.

ФЕЛИППЕС. Милорд...

УОЛСИНГЕМ. Что это было?

ФЕЛИППЕС. Умер Сидни.

ПУЛИ задувает свечу и исчезает, оставляя УОЛСИНГЕМА в темноте.

СЦЕНА ДВЕНАДЦАТАЯ

Барабанищик, медленно отбивая такт на огромном барабанае, обмотанном чёрным крепом, ведёт за собой группу людей, несущих гроб с телом СИДНИ. За ними наблюдают раздавленный горем УОЛСИНГЕМ и СЕСИЛ. С приближением процессии УОЛСИНГЕМА разбирает жестокий кашель. Процессия удаляется. Пауза.

СЕСИЛ. Семьсот нанятых плакальщиков. Влетело вам, должно быть, в кругленькую сумму.

УОЛСИНГЕМ. Это самое малое, что я мог сделать.

СЕСИЛ. Гангрена. Ужасная смерть. Очень уж медленная.

УОЛСИНГЕМ. Для такого выдающегося человека.

СЕСИЛ. Надо было надевать поножи. Поразительно, что он их не носил.

УОЛСИНГЕМ. Друзья, которые вошли в мой круг ради меня, оставались только ради него.

СЕСИЛ. Может быть и так. Вы много сделали, Фрэнсис. Очень много.

УОЛСИНГЕМ. Для него? Вы думаете?

СЕСИЛ. Для него?! Что за немислимое участие?! Для войны! Салюты из десяти орудий. Мемориальные книги. Благородная доблесть, рыцарская жертвенность, пробуждающееся чувство патриотизма — по всей стране. Прежде особой веры в войну не было, зато есть теперь. Лучшее, что Сидни сделал для родины: геройски погиб.

УОЛСИНГЕМ. Он был моим зятем, Уильям.

СЕСИЛ. Так никто ж не сможет сказать, что вы ничем не пожертвовали, а? Вы, Фрэнсис, соткали бессмертный английский миф — такой, что мы будем пользоваться им ещё долгие годы. *(Пауза.)* Ой, только не говорите мне, что дали разыгаться сантиментам! После стольких-то лет?

УОЛСИНГЕМ. Он был мне почти как сын.

СЕСИЛ. Он был агентом. Такой же разменной фигурой, как и любой агент. Вы сами говорили: последняя служба, которую они обязаны для нас сослужить, — это их собственная смерть. В нашем мире нет места чувствам, старина.

Входит ФРЭНСИС в траурной вуали.

А, вот и леди Сидни! Бедняжка! Эта история о кончине Сидни совершенно её утешила. Сэр Филип в трущобах Зютфена², смертельно раненный, отдаёт свою бутылку с водой простому солдату. «В тебе необходимость намного выше, нежели

² Город в Нидерландах.

во мне». Превосходная эпитафия, изумительное сочетание отваги и самопожертвования.

УОЛСИНГЕМ. Благодарю вас.

Исполненная холодной ярости, подходит ФРЭНСИС.

ФРЭНСИС. Лорд Бёрли.

СЕСИЛ. Мои соболезнования, леди Сидни. А также по причине утраты ребёнка.

ФРЭНСИС. Благодарю вас. Отец! Могу я заметить, что удивлена видеть вас здесь?

УОЛСИНГЕМ. Фрэнсис, я всей душой...

ФРЭНСИС. Когда вы так бессовестно нарушили своё слово! Что вы ему обещали?

УОЛСИНГЕМ. Я не говорил, что смогу уберечь его от смерти.

ФРЭНСИС. И тут же отреклись!

УОЛСИНГЕМ. Я никогда не обещал...

ФРЭНСИС. Я же вам говорила: его убьют. С этим я примирилась — почти. Но вы обещали ему, что не будет никаких дешёвых патриотических штучек. Что вы не станете трепать его имя по захудалым тавернам, чтобы какие-то бражники в пьяном угаре присягали его именем королеве! И вы не сдержали слово. Вы сочинили ему эпитафию, и тем самым превратили всю его жизнь в ложь. Вы обернули его ещё не остывшие кости флагом и трясли ими, заставляя отплясывать на потеху глупцам. Вы его предали. *(Пауза.)* Впрочем, я пришла говорить не с вами. Лорд Бёрли!

СЕСИЛ. Да?

ФРЭНСИС. Милорд Эссекс состоит под вашей опекой.

СЕСИЛ. Да.

ФРЭНСИС. Милорд Эссекс изъявил намерение просить моей руки.

СЕСИЛ. Эссекс? Этот самонадеянный хвастунишка? Ни при каких...

ФРЭНСИС. Я желаю просить вашего дозволения составить нашу женитьбу.

СЕСИЛ. Это очень... быстро.

ФРЭНСИС. А что время терять? Он далеко пойдёт, Эссекс. Все говорят.

УОЛСИНГЕМ. Фрэнсис, это всё чересчур внезапно. Давай подумаем...

ФРЭНСИС. Подумаем о чём? Как меня получше упаковать и куда на сей раз повыгоднее пристроить? На какие козыри и фишки меня можно выменять, будто партию

индиго или какого-то из ваших шпионов не самого высокого полёта? Благодарю, отец, я свой выбор сделала.

СЕСИЛ. Я сообщу о вашем интересе.

ФРЭНСИС. Я уже сообщила.

УОЛСИНГЕМ. Ты в трауре. У тебя затуманены мозги.

ФРЭНСИС. Моя голова никогда не была более ясной.

УОЛСИНГЕМ. Я бы хотел, чтобы некоторое время ты пожила у меня в доме. Пока мы оба не свыкнемся с утратой. Я позабочусь о тебе.

ФРЭНСИС. На какие деньги, отец? У вас ни гроша.

СЕСИЛ. Да, Фрэнсис, вы же подписали долги Сидни! Может быть, вам стоит попросить у королевы земли Бабингтона? Пока она не подарила их кому-нибудь другому.

Вбегает запыхавшийся ФЕЛИППЕС.

ФЕЛИППЕС. Саутвелл!

УОЛСИНГЕМ. Что?

ФЕЛИППЕС. Мы поймали Саутвелла, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Где?

ФЕЛИППЕС. Топклиф занимается им. В Тауэре.

СЕСИЛ. Топклиф, а! На вашем месте я бы поспешил. Вряд ли там много что осталось.

УОЛСИНГЕМ. Фрэнсис, я... Прошу тебя, давай продолжим этот...

ФРЭНСИС. Ступайте прочь, отец! Рысью!

Пауза. УОЛСИНГЕМ спешно уходит.

СЦЕНА ТРИНАДЦАТАЯ

Пыточная камера лондонского Тауэра. Возле дыбы, на которой вздёрнуто искалеченное тело РОБЕРТА САУТВЕЛЛА, сидит палач, РИЧАРД ТОПКЛИФ, и обгладывает куриную ножку. Пауза.

ТОПКЛИФ. Знаешь, когда я до этого видел, чтобы мясо вот так сочилось? А вот из манды королевы Лиззи, когда трахал её прошлый раз.

САУТВЕЛЛ стонет.

Не веришь? Не знаешь ты королевы. Любит малость пожестче. Девки почти все такие. Не совсем уж так, как я тебя, если честно.

С аппетитом жуёт курицу. САУТВЕЛЛ стонет вновь. Влетает УОЛСИНГЕМ.

УОЛСИНГЕМ. Говорить может?

ТОПКЛИФ. Уже не так хорошо, как перед пыткой, сэр. Дни-то его сочтены. Но ничего, от повозки до виселицы доковыляет.

УОЛСИНГЕМ. Какие сведения получил?

ТОПКЛИФ. Сведения, сэр?

УОЛСИНГЕМ. Об Армаде! Планах Испании на вторжение!

ТОПКЛИФ. Я и не подозревал, сэр, что эти сведения у нас в приоритете.

УОЛСИНГЕМ. Этот человек обладает важными...

ТОПКЛИФ. Да шучу я, шучу. *(Протягивает исписанный лист бумаги.)* Тут вот для вас. Всё, что знает, его собственной рукой. Думал, видно, это меня остановит.

УОЛСИНГЕМ жадно хватается бумагу и, пробежав по ней глазами, спадает с лица. Его голос становится тихим и грозным.

УОЛСИНГЕМ. Ты издеваешься, что ли?

ТОПКЛИФ. Не понял, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Курам на смех, а не показания!

ТОПКЛИФ. Так из-за наручников всё! Писать, они говорят, после них трудно.

УОЛСИНГЕМ. Здесь одно моё имя и ничего больше, одно моё имя!

ТОПКЛИФ. Не читал, ваша честь.

УОЛСИНГЕМ подбирается вплотную к ТОПКЛИФУ. Тот откусывает большой кусок курицы.

УОЛСИНГЕМ. В чём заключается цель пытки?

ТОПКЛИФ. Цель, сэр?

УОЛСИНГЕМ. Чего ради тебе позволено этим всем заниматься?

ТОПКЛИФ. Так по вашему официальному распоряжению. Регламент у меня на стене.
«Осуществлять меры, необходимые к получению возможных доказательств вины путём признания...»

УОЛСИНГЕМ. Не надо цитировать мне мои собственные законы, господин Топклиф!

ТОПКЛИФ. «Но не ранее, чем будет получен отказ говорить правду по приказу именем королевы», что он само собой и сделал, будучи иезуитом, а значит способным только на враньё.

ТОПКЛИФ откусывает ещё кусок ножки. УОЛСИНГЕМ комкает признание в кулаке.

УОЛСИНГЕМ. Цель, Топклиф, единственная и исключительная цель пытки — получать сведения, необходимые для безопасности государства...

ТОПКЛИФ. А-а, тут вот я с вами не соглашусь, ваша честь. Цель пытки — в пытке.

УОЛСИНГЕМ. Это нужно, чтоб устранить угрозы...

ТОПКЛИФ. Это нужно, чтоб они знали, что мы спасены, а они прокляты, чтобы дать им почувствовать вкус этого проклятия, которое их ждёт. Вот и всё. А что до того, что они говорят, так по моему опыту, человек скажет всё, что угодно, чтобы только слезть с этой штуки, так что я бы не придавал этому слишком много внимания. Если хотите знать моё мнение, господин советник. *(Пауза.)* Я вам ещё понадобится, сэр, на ближайший сеанс?

УОЛСИНГЕМ. Не понадобится.

ТОПКЛИФ уходит. УОЛСИНГЕМ плещет водой в лицо САУТВЕЛЛУ. Тот шевельнулся.

УОЛСИНГЕМ. Роберт Саутвелл! Наконец-то!

САУТВЕЛЛ. Уолсингем! Я ждал тебя.

УОЛСИНГЕМ. А я — тебя.

САУТВЕЛЛ. Ждал встретить Антихриста. Встретить его и сразиться.

УОЛСИНГЕМ. Значит, ты будешь разочарован. Я такой же человек, как и ты, Роберт. Только лучше — морально и вообще.

САУТВЕЛЛ. Победить его нерушимой преданностью своей цели. Чтобы доказать превосходство моей веры.

УОЛСИНГЕМ. Я бы сказал, будет трудно меня победить с этого ложа.

*Обходит кругом, изучающе разглядывая распростёртого, лежащего ничком
САУТВЕЛЛА. Пауза.*

А плотью ты не настолько внушителен, как утверждают ваши пропагандисты. Я ожидал узреть нового Адониса, величественный образец человеческой красоты, которой не могут противостоять ни мужчины, ни женщины.

САУТВЕЛЛ. Должно быть, для вырожденков это важно.

УОЛСИНГЕМ. А впрочем, Топклиф способен с любым мужчиной. Мне жаль, что тебе пришлось подвергнуться таким унижениям. По крайней мере, до того как мне стало о них известно.

САУТВЕЛЛ. Другого от тебя и не ждал.

УОЛСИНГЕМ. Но что бы там ни было, я уверен, тебе понравилось. Ваша порода ведь обожает умерщвление плоти.

САУТВЕЛЛ. По нашей собственной воле.

УОЛСИНГЕМ. Хочешь повторить?

САУТВЕЛЛ. Всё лучше, чем слушать тебя. Твоё мерзкое карканье еретика, от которого несёт дымом.

УОЛСИНГЕМ. Ой, ну не надо так, Роберт! Прежде чем я тебя убью, подвергнув страшным мукам и ещё более страшному унижению, я хотел бы тебя понять. Мне интересны персонажи вроде тебя: с таким пылом, с такой убеждённой служить совершенно ложному делу! Ты же не глупый человек, однако не замечаешь за собой очевидных ошибок.

САУТВЕЛЛ. Предавайся своим разглагольствованиям перед зеркалом — и то больше выгадаешь.

УОЛСИНГЕМ. Да ладно тебе! Незачем проводить ложные параллели между нами.

САУТВЕЛЛ. О, я даже пытаться не стану. Ради нашей веры мы отрекаемся на земле от любых золочёных клеток. Ты же ради клетки отказываешься от веры. Никакого сравнения.

УОЛСИНГЕМ. Я посвятил вере всю свою жизнь!

САУТВЕЛЛ. И сколько поместий, сколько титулов на тебя свалилось в придачу? Ты готов умереть за то, во что веришь, а, Уолсингем? Это вопрос.

УОЛСИНГЕМ. Вероятно, тебе неизвестно про День святого Варфоломея...

САУТВЕЛЛ. Вероятно, тебе неизвестно про епископа Фишера, и Томаса Мора, и Эдмунда Кэмпiona³, хотя я очень в том сомневаюсь. И «понять» меня ты способен не лучше, чем муха способна понять, почему она бьётся башкой об оконное стекло.

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Ну, хорошо, Роберт, перейдём к делу. Что ты расскажешь мне о планах Испании?

САУТВЕЛЛ. Конечно же, ничего.

УОЛСИНГЕМ. Я могу предложить тебе удобства. Еду. Писчую бумагу, хоть и не для твоих жалких, занудных пасквилей. Снять с дыбы.

САУТВЕЛЛ. Тебе нечего мне предложить, кроме смерти.

УОЛСИНГЕМ. Её ты получишь. Но ведь можно провести время гораздо приятнее — в ожидании.

САУТВЕЛЛ смеётся.

Мне нужны сведения. Расскажи мне о перемещениях испанцев, о времени атаки, о силе их флота, и я смогу подарить тебе лёгкий конец.

САУТВЕЛЛ. Мне ничего не известно. С чего ты взял, будто я что-то знаю?

УОЛСИНГЕМ. Ты же, так сказать, предводитель иезуитов, символ подрывной деятельности. Кое-что тебе, несомненно, известно.

САУТВЕЛЛ. Ничуть. Не моя обязанность, видишь ли.

УОЛСИНГЕМ. И какая твоя?

САУТВЕЛЛ. Быть казнённым. Прилюдно. Тобой. *(Пауза.)* Что? Тебе даже в голову не приходило, что я могу вам просто позволить схватить себя? *(Он снова смеётся, резко и мучительно.)* О боже! А ты не такой смышлёный, как мы привыкли думать. Я желаю быть казнённым тобой, Уолсингем. На глазах у толпы, у тысяч. Десятков тысяч. У сотен...

УОЛСИНГЕМ. Зачем тебе желать...?

САУТВЕЛЛ. А ты не знаешь? Ты же наш лучший вербовщик. На каждую казнь католика люди стекаются даже издалека. Они видят, с каким благородством, с какой храбростью мы умираем, и спрашивают себя: откуда в этих людях столько

³ **Джон Фишер** — епископ Рочестерский, кардинал. Не признал Реформации (разрыва Англиканской и Католической церкви) и был казнён Генрихом VIII. Канонизирован Римско-Католической церковью.

Томас Мор — английский философ и писатель, лорд-канцлер Англии времён Генриха VIII. Видел в Реформации угрозу для церкви и общества и препятствовал распространению протестантизма, из-за чего был казнён. Канонизирован Римско-Католической церковью.

Эдмунд Кэмптон — английский католический священник-иезуит, был обвинён в государственной измене и казнён в 1581 году, в правление Елизаветы I. Канонизирован Римско-Католической церковью.

достоинства? Какой, неизвестной мне, скрытой истиной обладают они? И тогда они приходят к нам.

УОЛСИНГЕМ. Ложь.

САУТВЕЛЛ. Вот так мы тебя побеждаем. Так доказываем, что мы лучше. Вот почему с каждой мученической смертью наши ряды растут. Сделай из меня мученика!

УОЛСИНГЕМ. Так ты поговори со мной, Роберт. Дай что-нибудь.

САУТВЕЛЛ. Сделай из меня мученика! Повесь, кастрируй и четвертуй!

УОЛСИНГЕМ. А иначе это всё — излишнее расточительство.

САУТВЕЛЛ. А если нет, Уолсингем, что тебе со мной делать? Я ж ничего не знаю.

УОЛСИНГЕМ поворачивает валик на дыбе, затягивая верёвки. САУТВЕЛЛ содрогается от боли.

УОЛСИНГЕМ. Есть способ проверить твои слова.

САУТВЕЛЛ. Воспользуйся им! Только и сможешь вытянуть, что за веру я готов умереть.

УОЛСИНГЕМ. Я предлагаю тебе выбор...

САУТВЕЛЛ. Нет, это я тебе предлагаю. Сделай из меня мученика или освободи, и я снова пойду проповедовать против этой проклятой шлюхи, которая уселась на троне и обоссала всё королевство...

УОЛСИНГЕМ. Ну, ну, Роберт!

САУТВЕЛЛ. Против этой шлюхи Апокалипсиса, чьим именем людей подвешивают за руки на восемь, на девять, на двенадцать часов, доводя до бесчувствия, до беспомыслия...

УОЛСИНГЕМ. Я понимаю, чего ты добиваешься. Я не дурак. Пытаешься меня раздражить.

УОЛСИНГЕМ ещё сильнее затягивает верёвки на дыбе. САУТВЕЛЛ громко вскрикивает, но продолжает.

САУТВЕЛЛ. Снедаемые паразитами, лишённые сна, люди теряют разум и не могут припомнить даже собственного своего имени! Ибо в Англии правит ведьма...

УОЛСИНГЕМ. Ведьма, говоришь? А знаешь, кто самая гнусная ведьма на земле? Это ваша католическая церковь. Со всеми её попами, которые освящают кости и прах, масла и кремы, творят чудеса, курят ладан, разбрасывают по полям Тело Христово, дабы отвадить гусениц! Четыреста «священных» пальцев Иоанна Крестителя, которым поклоняются четыреста шаек доверчивых кретинов по всей Европе! Пресмыкаетесь в ужасе, как безмозглые, перед гипсовыми святыми! Вот где всё невежество, все предрассудки и тупой страх!

САУТВЕЛЛ. Сделай меня мучеником.

УОЛСИНГЕМ. Я не доставлю тебе этого удовольствия.

УОЛСИНГЕМ. Сделай меня мучеником! Сделай меня мучеником! СДЕЛАЙ МЕНЯ МУЧЕНИКОМ!

УОЛСИНГЕМ, сознавая поражение, в ярости отступает назад. САУТВЕЛЛ смотрит на него полным торжествующей агонии взглядом.

УОЛСИНГЕМ. Топклиф!

Входит ТОПКЛИФ.

Поступай как знаешь. (*Уходит.*)

ТОПКЛИФ элегантно вытирает перепачканные жиром пальцы и подходит к дыбе. Свет постепенно гаснет, а ужасающий пронзительный крик становится всё громче и громче.

СЦЕНА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

УОЛСИНГЕМ в своём кабинете, словно обезумев, передаёт бумаги ФЕЛИППЕСУ.

УОЛСИНГЕМ. Отправь это в Голландию Лестеру. Триста лошадей и пятьсот пехоты. Всё, что могу.

ФЕЛИППЕС. Да, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Донесение в Париж, послу Стаффорду...

Приступ кашля прерывает его на полуслове.

ФЕЛИППЕС. Но Стаффорда мы знаем как двойного агента, сэр!

УОЛСИНГЕМ. Именно поэтому он должен получить донесение, где говорится, что мы не сможем организовать наступление на Испанию с моря. А тем временем Дрейк атакует Кадис — с моря! Заткнись и делай что говорю!

ФЕЛИППЕС. Да, сэр.

УОЛСИНГЕМ. И пусть Дрейк снимается с якоря с первым отливом! Нельзя, чтобы наша благословенная королева опять передумала.

ЕЛИЗАВЕТА. Уолсингем!

Он оборачивается. Из тени выходит ЕЛИЗАВЕТА. ФЕЛИППЕС растворяется как не бывало. Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Ваше величество. Какая честь! Что привело вас в моё скромное...?

ЕЛИЗАВЕТА. Я пришла справиться о вашем здоровье. При дворе только и разговоров, что об этом. «Где же Уолсингем? Как же нам быть с Испанией, когда он умрёт?»

УОЛСИНГЕМ. И правда, весьма утомительно.

ЕЛИЗАВЕТА. Если что и бывает докучливее, так это теннис.

УОЛСИНГЕМ. Теннис?

ЕЛИЗАВЕТА. Этим летом все как с ума посходили. Я ничего скучнее даже вообразить не могу: туда-сюда, туда-сюда, в сетку! Мне говорят, в этом есть какой-то глубокий метафизический смысл, а я только и вижу, что двух мужиков, которые лупят по мячу. И знаете что? Англичанин ни разу не выиграл. Почему-то всё время победителем выходит иностранец.

УОЛСИНГЕМ. Если ваше величество проявит больше терпения, Англия рано или поздно одержит верх.

ЕЛИЗАВЕТА. Сколько ещё его нужно, этого терпения? С вашей небольшой войной? Не такой уж небольшой, кстати.

УОЛСИНГЕМ. Вы должны следовать своему курсу.

ЕЛИЗАВЕТА. Мои сундуки пусты, Уолсингем! Моя казна иссякла!

УОЛСИНГЕМ. Вы должны придерживаться своих...

ЕЛИЗАВЕТА (*кричит*). Что я должна?! Что я должна, ты, мандалай хитрожопый? Я — КОРОЛЕВА! (*Пауза. Ласково.*) Догадываешься, что это значит — мандалай? Один мой приятель, драматург, меня на днях научил. Не без принуждения. Он, бедолага, думал, я отрублю ему голову, а меня взбудоражило. Вот твоё воображение, Уолсингем, что может взбудоражить? Что-то ведь должно тебе нравиться, кроме папок. Мальчики? Девочки? Маленькие мальчики? Маленькие девочки? Скажи, я тебе куплю.

УОЛСИНГЕМ. Я понимаю гнев вашего величества.

ЕЛИЗАВЕТА. Я куплю тебе всё, что захочешь. Деньги у меня есть. Ах, нет, я и забыла! Ты же всё потратил, сражаясь за этих здоровенных голландских ублюдков с непроизносимыми именами.

УОЛСИНГЕМ. При увеличении финансирования, я уверен, мы одержим победу.

ЕЛИЗАВЕТА. Это я? Это с моим именем ты втайне надрачиваешь хер глубокими ночами? Этого ты хочешь?

Берёт его руку и кладёт себе между ног. Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Я не Топклиф, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА (*отбрасывая его руку*). То-то и оно, что нет. А жаль. Я б тогда знала, что ты такое. Что за мужчина не любит женщин и хорошей одежды?

УОЛСИНГЕМ. Мужчина, который слишком занят безопасностью королевы и государства, чтобы...

ЕЛИЗАВЕТА. А королева не чувствует себя в безопасности, ясно?! С тех пор как вы добились своего положения, у меня война в Ирландии, война с Францией, война в Нижних Землях. Не говоря уж о том, что Папа хочет намотать мне яйца на палку.

УОЛСИНГЕМ. Это началось ещё до моего назначения.

ЕЛИЗАВЕТА. И всякий раз, когда дело, кажется, готово обернуться в нашу пользу, выскакиваете вы и находите, чего ещё мне следует бояться.

УОЛСИНГЕМ. Стоять на страже безопасности — значит не ведать сна.

ЕЛИЗАВЕТА. Но я-то хочу его изведать! А взамен получаю кошмары, где я в ужасе отпираю дверь в комнату, полную безымянных страхов, и не нахожу ничего, кроме ещё одной запертой двери. А за ней ещё, и ещё. И никогда ничего, кроме пустоты, но ужас-то не проходит! И это вы, вы протягиваете мне ключи, обещаете раз за

разом: «Это последняя...» (*Пауза. Её трясёт.*) Никаких больше денег на Нижние Земли!

УОЛСИНГЕМ. Невозможно.

ЕЛИЗАВЕТА. Более чем возможно. Я так говорю, значит так и есть.

УОЛСИНГЕМ. Тогда вы подписываете себе смертный приговор.

ЕЛИЗАВЕТА. Кому ж ещё подписывать смертный приговор королеве, если не королеве?

УОЛСИНГЕМ. При всё моём почтении, ваше величество, Англия — это не только королева.

ЕЛИЗАВЕТА. О! О-о-о! Вот во что ты играешь!

УОЛСИНГЕМ. Я всего лишь хочу сказать, что вслед за вашим величеством придут и другие короли и королевы.

ЕЛИЗАВЕТА. И сколько же их сейчас? (*Пауза. Кричит.*) СКОЛЬКО?

УОЛСИНГЕМ. Одна, ваше величество.

ЕЛИЗАВЕТА. Да! Так что Англия — это и есть королева. Это — пальцы Англии, руки Англии. И когда язык Англии тебе приказывает, ты, сука, будешь слушать! Никаких больше денег на эти сраные Нижние Земли!

УОЛСИНГЕМ. Да понимаете ли вы, отчего мы в такой опасности? Филиппу достало пронизательности не превращать свою страну в погремушку для знати, обязанной своим происхождением случаю, в семейную реликвию, перепавшую им за наш счёт, а превратить её в нацию! У Испании есть интересы, влияние, армия и флот, и не только тогда, когда монарх поднимает вой, что они ему вдруг понадобились, а постоянно, всегда! В Испании есть система налогообложения, система правосудия, торговли, а самое главное, у неё есть империя, которая простирается до Нового Света и приносит доход — вот о какой империи я твержу вам уже столько лет!..

ЕЛИЗАВЕТА. Уолсингем!

УОЛСИНГЕМ. Вот почему, ваше величество, Испания сильнее нас, и вот почему нам очень повезёт, если мы сможем её пережить. А если мы всё-таки сможем её пережить, мы должны будем ею стать! Завоевать колонии. Построить империю. Стать больше чем какая-то базарная побрякушка для щенков, урождённых под дворянской короной.

Пауза.

ЕЛИЗАВЕТА. Я могла бы тебя повесить. Заставила бы поплясать на верёвке. Приказала бы отрезать твои причиндалы и принести мне на белой шёлковой подушечке.

УОЛСИНГЕМ. Юридически было бы весьма затруднительно.

ЕЛИЗАВЕТА. Но ведь могла бы. Могла бы? Будучи королевой. (*Пауза.*) Думаешь, я не вижу, куда ты меня тянешь? Что моё слово уже не власть, а... (*указывая на папки с документами*) власть — это множество твоих? Что мой трон узурпирован шайкой писарей? Вы, канцелярские душонки, это вы изменники, а не Мария! Хочешь стать королём вместо меня. Бумажным королём, у которого в венах, вместо крови, текут чернила. Это тебя надо было убить вместо неё.

УОЛСИНГЕМ. Всё, что я делал, было ради королевы и ради страны. Никогда ради себя.

ЕЛИЗАВЕТА. И что мне с этого проку? Твоя пресловутая осведомлённость, как ты утверждаешь, укрепляет нашу безопасность. Укрепляет, да никак не укрепит. Всё, чему она служит, — это вселить в нас побольше страхов да загнать поглубже в твои сети. Выдаёшь себя и за проклятие, и за спасение, да, Уолсингем? И за недуг, и за избавление. И наживаешься на всём этом.

УОЛСИНГЕМ. Я заплатил свою цену на службе вашему величеству — и деньгами, и тем, что дороже денег. Имущества Сидни едва хватает, чтобы покрыть хотя бы треть его долга...

ЕЛИЗАВЕТА. Мне всё равно. Говоря по правде, я даже рада.

УОЛСИНГЕМ. Если бы земли Бабингтона достались мне...

ЕЛИЗАВЕТА. Я хочу подарить их Рейли.

УОЛСИНГЕМ. Как награда за мою долгую честную службу...

ЕЛИЗАВЕТА. Он одевается лучше. А тебе ни пенса, башмачник. И на Нижние Земли ни пенса тоже.

Низко кланяясь, входит ФЕЛИППЕС и суёт УОЛСИНГЕМУ какие-то бумаги.

ФЕЛИППЕС. Милорд, мне совестно вторгаться, но вы должны прочесть.

УОЛСИНГЕМ. Что это?

ФЕЛИППЕС. Донесения, сэр. Из Корнуолла. Армада на подступах.

УОЛСИНГЕМ. Уже?

ЕЛИЗАВЕТА. Сколько денег я тебе надавала, за столько времени, а ты не смог этого даже предугадать! Вы, шпионы, никак не можете разглядеть самого главного! Никак не можете предотвратить самого главного! Ты выиграешь эту войну, и чтоб больше я твоей рожи не видела!

Быстро уходит, полыхая презрением и яростью.

СЦЕНА ПЯТНАДЦАТАЯ

УОЛСИНГЕМ в окружении подчинённых, непрерывным потоком вбегающих и выбегающих из кабинета, отдаёт приказы, принимает и отсылает документы. Он часто кашляет.

УОЛСИНГЕМ. Сколько у нас лошадей и пехоты? Что с порохом? Ядра? Пушки? Всё отправить в порты. Укрепить гавани. Изготовить баррикаду из корабельных мачт, уложить поперёк Темзы.

Входит СЭР ЧАРЛЬЗ ГОВАРД, адмирал флота.

ГОВАРД. Они подошли к мысу Лизард⁴, Фрэнсис. Волна против нас, мы не можем вступить в бой.

УОЛСИНГЕМ. Сколько судов?

ГОВАРД. Сто двадцать, может, больше. Молю Бога, лишь бы они не напали прямо сейчас. *(Уходит.)*

УОЛСИНГЕМ *(подчинённым)*. Поднимайте население! Распространите слух, что испанцам отдан приказ вырезать всех англичан старше семи лет. Им розданы кошки-девятихвостки⁵ — такие свирепые, что даже самые отъявленные черти в аду не возьмут их в руки. У них с собой раскалённые клейма для ваших детей, чтобы впоследствии по отметине на лице опознать потомка завоёванного народа.

Входит ГОВАРД.

ГОВАРД. Армада повернула на восток! Мы к ним с наветренной стороны, погодные условия дают преимущество!

УОЛСИНГЕМ. Измотайте их! Не дайте бросить якорь в проливе, любой ценой!

ГОВАРД. Мы погнали их дальше! Они направляются в Кале.

УОЛСИНГЕМ. Чтобы переправить пармские войска из Дюнкерка. Тридцать тысяч солдат. Переправят — и мы погибли. Это решающая минута, Говард!

ГОВАРД. Мы заставили их бросить якорь. Я высылаю брандеры⁶.

Несколько моделей парусных кораблей. Между ними протискиваются горящие суда — брандеры. Пламя перекидывается на окружающие корабли, охватывая все до единого разрушительным пожаром. УОЛСИНГЕМ падает на колени.

Испанцы разбиты, ударились в бег! Ветер гонит их на север, в Шотландию. Я не могу их преследовать, моих людей косит тиф, поразительная смертность. Неужели

⁴ **Лизард** — мыс и полуостров в графстве Корнуолл, самая южная точка Великобритании.

⁵ **Кошка-девятихвостка** — плеть с девятью (или более) хвостами, обычно с узлами или крючьями на концах, наносящая рваные раны.

⁶ **Брандер** — судно, нагруженное легковоспламеняющимися или взрывчатыми веществами, используемое для поджога или подрыва вражеского корабля с целью уничтожения.

вы ничего не можете для них сделать, Фрэнсис? Неужели позволите умереть на портовых улицах, без врачебного ухода, после такой службы...

УОЛСИНГЕМ отмахивается, потом вдруг падает, терзаемый приступом боли и кашля. ГОВАРД уходит. В лихорадке УОЛСИНГЕМ видит себя, распластанного на дыбе, и стоящего над ним ТОПКЛИФА с полным возжеления взглядом.

ТОПКЛИФ. Не дёргайтесь, сэр. Будет больно.

ТОПКЛИФ вонзает в руку УОЛСИНГЕМА металлическую пику. Хлещет кровь. УОЛСИНГЕМ пронзительно кричит.

Будете врать — будет больнее. Гораздо.

Резко вкручивает остриё. Ещё больше крови, ещё громче крик.

УОЛСИНГЕМ. Ты что делаешь, Топклиф? Я — сэр Фрэнсис Уолсингем!

ТОПКЛИФ. Это я знаю. Потому вы и здесь.

УОЛСИНГЕМ. Так со мной обращаться не подобает...

ТОПКЛИФ. Что, сэр, вы, что ли, думаете, неприкасаемый? Нету неприкасаемых. Время такое.

Входит ЕЛИЗАВЕТА с маской враждебности на лице.

ЕЛИЗАВЕТА. Ещё раз.

УОЛСИНГЕМ. Ваше величество! Топклиф!

ТОПКЛИФ поворачивает остриё — из раны вырывается фонтан крови. УОЛСИНГЕМ теряет сознание. Очнувшись, он оказывается на постели в своём кабинете под наблюдением ДОКТОРА (тот же актёр, который исполняет роль ТОПКЛИФА). Белые простыни испачканы кровью.

ДОКТОР. А, ваша честь, вы проснулись!

УОЛСИНГЕМ пытается встать.

Не поднимайтесь, вам сделали изрядное кровопускание.

Показывает серебряную чашу, полную крови. УОЛСИНГЕМ резко отшатывается.

УОЛСИНГЕМ. Так много?

ДОКТОР. Обычная практика, сэр.

УОЛСИНГЕМ. Долго я спал?

ДОКТОР. Два дня.

УОЛСИНГЕМ. Состояние лучше?

ДОКТОР. Не хуже, чем вчера.

УОЛСИНГЕМ. А как было вчера?

ДОКТОР. Неважно. Но кое-что тут имеется, поднимем вас на ноги в два счёта.

ДОКТОР поворачивается в сторону. Раздаётся визгливое завывание дрели.

УОЛСИНГЕМ. Доктор, я, кажется, виноват перед вами.

ДОКТОР. Как так, ваша честь?

УОЛСИНГЕМ. Я вас перепутал в бреду с одним человеком, он у меня работает.

Известнейший негодяй, какого...

ДОКТОР. Бывший пыточных дел мастер Топклиф, сэр. Это имя вы поминали, да, поминали. Они и понятно — семейное сходство.

Поворачивается к УОЛСИНГЕМУ спиной. В его фигуре видится что-то злое.

Это мой брат, сэр.

УОЛСИНГЕМ. А!

И снова завывание дрели. УОЛСИНГЕМ вытягивает шею, пытаясь разглядеть источник звука.

Что это за шум?

ДОКТОР. С моим родом занятий такое сходство совсем не на пользу. Я вот занимаюсь врачеванием, а он... несколько наоборот.

УОЛСИНГЕМ. Вы говорите — бывший?

ДОКТОР. Да, сэр. Недавно вступил на новую стезю.

УОЛСИНГЕМ. И какую?

ДОКТОР. Стал депутатом парламента, сэр. От Олд-Сарума⁷. Паршивое местечко, жителей мало, избраться легко.

УОЛСИНГЕМ. Вы что, шутите?

ДОКТОР. Он ведь, если захочет, может быть весьма убедительным. Да вы, я уверен, и сами знаете. Говорит, что в общем и целом, пока работал у вас, встречал людей гораздо лучшего склада. А теперь лягте, это недолго.

Поднимает ручную дрель с заострённым блестящим сверлом.

⁷ **Олд-Сарум** — избирательный округ в Великобритании, принадлежащий к так называемым «карманным» округам по причине малочисленности населения. Голосами избирателей в них зачастую распоряжался землевладелец. Случалось, что округ, в котором только семь человек имели право голоса, мог направить в Парламент двух депутатов. Избирательная реформа 1832 года упразднила большинство подобных округов.

УОЛСИНГЕМ. Что...

ДОКТОР. Трепанация, сэр. Вас беспокоит избыток телесных жидкостей под черепной коробкой. От них перегревается мозг. Я сейчас быстренько проделаю дырочку в черепе, и будете здоровы как лошадь...

УОЛСИНГЕМ. Нет... нет...

Он пытается встать, но сил почти не осталось, и ДОКТОР легко прижимает его к постели, поднося к голове дрель. Снова раздаётся её завывание. Затемнение.

СЦЕНА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Свет от большой свечи в напольном подсвечнике падает на УОЛСИНГЕМА: голова замотана окровавленными бинтами, лицо бледное и осунувшееся. Он при смерти, что-то бормочет в беспокойном сне. Слышно, как рядом закрылась дверь. УОЛСИНГЕМ просыпается.

УОЛСИНГЕМ. Кто здесь?

Пауза. Из темноты появляется ФРЭНСИС.

ФРЭНСИС. Здравствуйте, отец.

Он пытается встать. Без всяких усилий она толкает его назад на подушки.

Не поднимайтесь. Доктор сказал, вы вот-вот умрёте. Я зашла убедиться.

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. В моём завещании, Фрэнсис, для тебя предусмотрена ежегодная рента.

ФРЭНСИС. Ваши деньги мне не нужны.

УОЛСИНГЕМ. Триста фунтов. Я хотел бы оставить больше, но долги Сидни...

ФРЭНСИС. Милорд Эссекс обеспечит меня. Кроме того, милорд Эссекс озаботился приготовлениями к вашим похоронам. В свете королевской немилости к вам и в соответствии с настроениями народа и состоянием ваших финансов, он предполагает мероприятие скромное, для узкого круга. Никакой заносчивости. Никакой показухи.

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Умница, дочка.

ФРЭНСИС. Вас похоронят в Соборе святого Павла. Рядом с Филипом. В качестве надгробия вам будет достаточно деревянной таблички. Чтобы передать дух аскетизма.

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Фрэнсис... Всё, что я для тебя делал, это всегда...

ФРЭНСИС. Не надо. Не начинайте. Поздно. *(Пауза.)* Прощайте, отец.

Уходит. Взгляд УОЛСИНГЕМА падает на папки с документами. Шатаясь, он идёт к ним. Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Я ли это вас вёл? Или вы меня?

В приступе ярости и раскаяния он сметает на пол несколько папок.

СЕСИЛ *(за сценой)*. Ну, ну, ну, Фрэнсис! Поздновато для сожалений.

Из тени появляется СЕСИЛ, невозмутимый и очевидно поздоровевший.

УОЛСИНГЕМ. Уильям! Вы что здесь делаете?

СЕСИЛ. А вы не догадываетесь? Пришла пора, старина, заключить мир с Создателем.

УОЛСИНГЕМ. Бог и моя совесть — это моё и только моё дело.

СЕСИЛ. Я, друг мой, говорю о себе. Не могу же я допустить, чтобы такой образцовый искатель знаний сошёл в могилу слегка неосведомлённым.

Подводит сопротивляющегося УОЛСИНГЕМА к кровати, усаживает.

Садитесь, Фрэнсис. Послушайте сказку на ночь.

УОЛСИНГЕМ. Когда я поправлюсь, лорд Бёрли...

СЕСИЛ. Вы что, по-прежнему не понимаете? Даже сейчас?

УОЛСИНГЕМ. Я вернусь к своим обязанностям, и вы...

СЕСИЛ. «Человеческие слабости приносят гораздо больше пользы, чем достоинства». Это совершенно про вас.

Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Кто...?

СЕСИЛ. Мой шпион, разумеется. Он пересказывал мне всё. Заходи, Томас!

На свет, ухмыляясь, выступает ФЕЛИППЕС. Пауза.

УОЛСИНГЕМ. Надо было это предвидеть.

СЕСИЛ. Да, надо было.

УОЛСИНГЕМ. Молодец, Томас. Отлично сработано.

ФЕЛИППЕС. Благодарю, господин советник. Я учился у лучших.

УОЛСИНГЕМ. Благодарю.

ФЕЛИППЕС (*презрительно*). Я имею в виду не вас.

СЕСИЛ. Можешь приступать.

ФЕЛИППЕС принимается выносить папки из кабинета.

УОЛСИНГЕМ. Не трогай! Это...

Он пытается встать, но СЕСИЛ, положив руку ему на грудь, толчком возвращает его на место.

СЕСИЛ. Им найдётся достойное применение, не беспокойтесь!

УОЛСИНГЕМ. Вы поставили человека следить за мной. Превосходно! Это не имеет ровно никакого значения.

СЕСИЛ. Заносчивость — вот в чём ваша слабость, Уолсингем. Я это понял с самого начала. Вы даже представить себе не могли, что кто-то другой может быть таким же сообразительным, как вы. Или даже сообразительней. *(Пауза.)* Много лет назад у меня случилось что-то вроде лакуны в отношениях с Елизаветой. Как вы сами успели изведать, она злая, жестокая, расточительная. Не говоря уж об одержимости грязными совокуплениями.

УОЛСИНГЕМ. Как вы смеете, Бёрли!

СЕСИЛ. Да ладно вам! Похотливость — неужели?! Я ведь, Фрэнсис, читывал ваши досье. Томас одалживал мне самые лучшие. Какие подробности, а? Как живописно! Ей особенно по душе, когда пристраиваются сзади от трона, — будто вы сами не знаете! Из всех небылиц, которые я наплёл, одной я горжусь больше всего — мифом о королеве-девственнице. Чертовски непросто добиваться правдоподобия.

УОЛСИНГЕМ. Не удивительно, что вы впали в немилость.

СЕСИЛ. Дайте срок, старина, мы к этому подойдём. Три вещи стали для меня тогда очевидны. Изменнице Марии надлежит покинуть сей мир, и поскорее. Бурлящий котёл инакомыслящего дерьма, коим являются наши мелкие землевладельцы, надлежит унять до полной тишины. И, наконец, для осуществления надзора надлежит выделять деньги, реальные деньги. Если королева и весь её двор, проводя время в праздности и в потворстве своим желанием, позабыли о безопасности государства, значит этим вместо них должна озаботиться тайная служба. И было в равной степени очевидно, что Елизавета не сделает из перечисленного ничего.

УОЛСИНГЕМ. Однако ж я добился всего, всего этого, по пунктам.

СЕСИЛ. Ах, дорогой Фрэнсис, решили зачерпнуть последнюю лопату земли из собственной могилы? Позвольте мне выразиться иначе: она никогда не сделает ничего подобного, не зародив у себя в душе лютой непреходящей ненависти к человеку, который принудит её всё это сделать. Ненависти такой, которая уничтожит его здоровье, разорит состояние и убьёт того, кто был ему вместо сына.

Ужас понимания промелькнул по лицу УОЛСИНГЕМА. СЕСИЛ улыбается.

Таким образом мне стало ясно, да и вы наконец понимаете, к чему я клоню: временщик — вот кто мне нужен.

УОЛСИНГЕМ. Нет. Я никакой не временщик.

СЕСИЛ. И таким образом я его нашёл. Да ещё такого рьяного к службе, что ни единожды не почувствовал, как мои пальцы сгибают его суставы. Видели кукловодов с их кожаными подопечными, которых они за денежку показывают на улицах?

УОЛСИНГЕМ. Нет. Нет. Это не вы меня создали...

СЕСИЛ. Сам же я стал гласом умеренности, плечом, на котором старая карга может вдоволь распускать слюни. И в должный час я увидел, как мой временщик достиг всего, чего я хотел, и даже больше. А в придачу ему достались те самые удары судьбы, которые я заранее предвидел.

УОЛСИНГЕМ. Я сам себя создал, своим рвением и талантом...

СЕСИЛ. Что вы создали, Уолсингем, так это машину государственной безопасности, которая никогда не будет разобрана. Которая будет постоянно наращивать свою мощь. Которая станет верховной властью в нашей стране. Подойдет к концу правление этой королевы и всех других королей, а она будет существовать ещё долго. И эту машину — до последнего винтика — я передам своему сыну Роберту.

УОЛСИНГЕМ. Этому раболепствующему горбуну? Да ему не справиться!

СЕСИЛ. Время покажет. У вас же нет сыновей, правда, Уолсингем? Только дочь. Дочь, которая вас ненавидит, ещё и долги.

Пауза. УОЛСИНГЕМ собирает всю свою гордость, чтобы дать отпор.

УОЛСИНГЕМ. Всё, что я делал, я делал ради королевы и ради страны.

СЕСИЛ. Уверен, что вкупе с именной деревянной табличкой это послужит вам огромным утешением. Я лично предпочитаю деньги и власть.

Резкий приступ мучительного кашля сотрясает всё тело УОЛСИНГЕМА.

(ФЕЛИППЕСУ). Томас, долго ещё?

ФЕЛИППЕС. Какое-то время, сэр. Их тут полно.

СЕСИЛ. Что из Берберии, можно, кстати, не брать. У меня там три человека. (*Бросает невозмутимый взгляд на УОЛСИНГЕМА, потом вновь переводит на ФЕЛИППЕСА.*) Оставь всё пока. Тут не о чем беспокоиться. Пойдём выпьем. Отпразднуем.

ФЕЛИППЕС. Да, сэр.

Они собираются уходить.

УОЛСИНГЕМ (*из последних сил*). Вам это без толку. Всё уже кончено.

СЕСИЛ. Что кончено?

УОЛСИНГЕМ. Угроза, война... Всё кончено.

СЕСИЛ. А следующая? А за ней? Никогда бы не подумал, что именно вы станете проповедовать подобную самоуспокоенность. Вы можете поручиться — передо мной, перед нашей идиоткой-королевой, перед нашим доверчивым, объатым страхами населением, — что никаких угроз больше не будет? Ни сейчас? Ни через год? Никогда?

УОЛСИНГЕМ хочет ответить, но им овладевает очередной приступ кашля.

А если вы не можете в этом поручиться, значит, как оно может кончиться? А, Фрэнсис?

Жестокий приступ сбрасывает УОЛСИНГЕМА с кровати на пол. СЕСИЛ и ФЕЛИППЕС останавливаются у подсвечника и смотрят на УОЛСИНГЕМА — невозмутимо и, что унизительнее всего, с некоторой жалостью. Пауза.

СЕСИЛ. Прощайте, Уолсингем!

СЕСИЛ задувает свечу. Затемнение.

Конец пьесы

Перевод с английского:

Шишин Павел Александрович

E-mail: pavel.shishin@gmail.com

www.pavelshishin.ru

07.05.2019